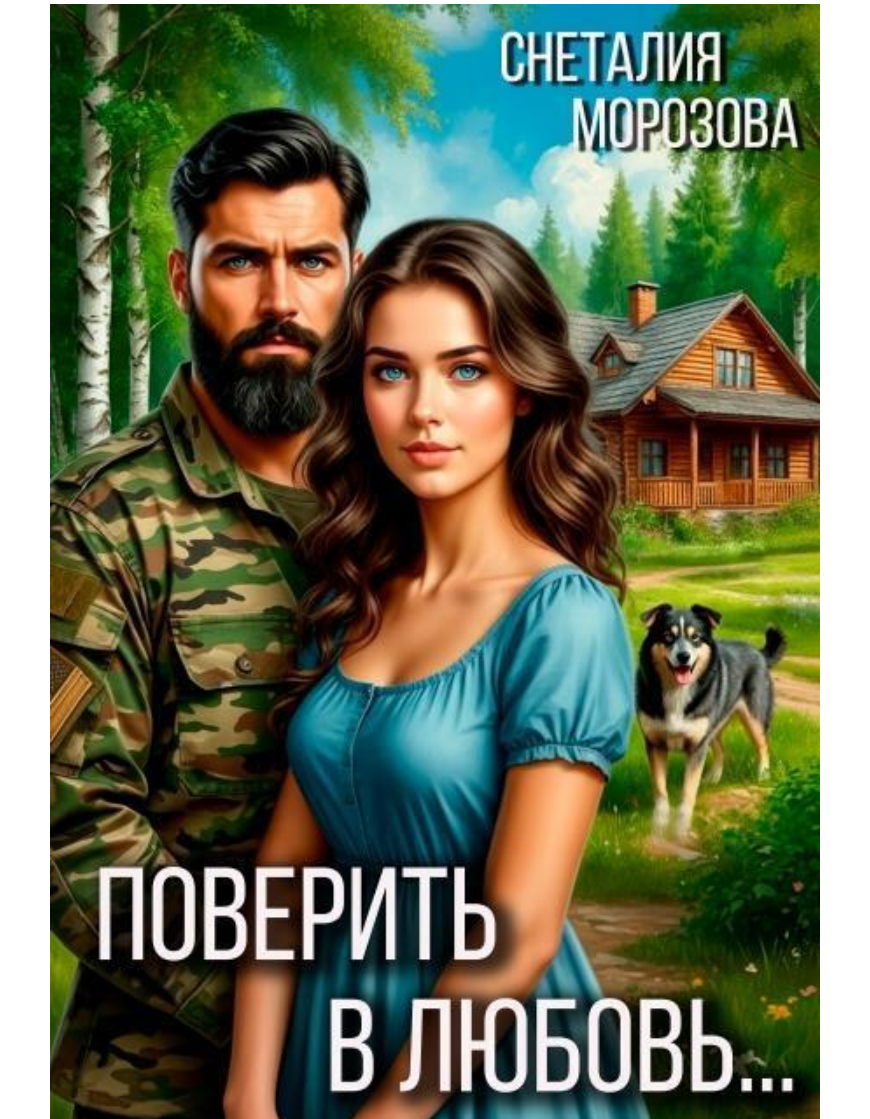

A man with a beard and intense gaze, wearing a military camouflage uniform, stands next to a woman with long brown hair and blue eyes, wearing a blue dress. They are in a lush green forest. In the background, there is a wooden cabin with a chimney and a black and white dog standing on a path.

СНЕТАЛИЯ
МОРОЗОВА

ПОВЕРИТЬ
В ЛЮБОВЬ...

Снеталия Морозова

Поверить в любовь...

<https://litres.ru/74213023>

Аннотация

Когда я стала такой? Куда делась девочка, что верила в любовь? Смелость моя куда делась? Открытость? Доверчивость? Я знаю, что бывают отношения для жизни и для взросления, да, вот вторые у меня и получились, и я чувствую себя взрослой женщиной, у которой за плечами тяжелая многолетняя жизнь. Говорят, что жизнь в счастье проходит, как миг, а в несчастье, как нескончаемый век.

Я наивная молодая выпускница педагогического ВУЗа вляпалась в брак с человеком, которого не разглядела сразу. Пять лет терпения, унижения... а когда он стал поднимать руку, я поймала себя на мысли, что я спряталась, зажалась, испугавшись, стала быть еще тише, еще жалче. Да, у него связи, он богат, но я должна попробовать, должна....себе, для себя.

Первый звоночек уже был после свадьбы, через две недели. Мы приехали из путешествия, и Игорь сказал: «Я отлучусь на два дня, а ты посидишь дома одна и подумаешь о своем поведении»...

Я решилась и обратилась за помощью.

Я тихо сажусь на стул, беру листок и пишу: «Мне надо с вами поговорить, у меня может быть прослушка в сумке, меня бьёт

муж». Трясущейся рукой протягиваю, уповая на Бога, на всех святых, на удачу, на звезды...

Решилась, и мне помогли...

Теперь я еду со своей собакой в лесную заимку на месяц, пока Павел Андреевич Бравинский решает вопросы с моим мужем.

Что меня ждет? Не знаю. Хочу спокойствия и возможность передвигаться свободно, а еще я хочу вернуться к себе, настоящей...

Содержание

1.	5
2.	8
3.	19
4.	25
5.	32
6.	37
7.	43
8.	51
9.	58
10.	64
11.	71
12.	76
13	82
14.	87
Конец ознакомительного фрагмента.	88

1.

1 часть. Поверить в любовь...

Я зашла в кабинет к Анастасии Юрьевне.

- Василисушка, какая же ты хорошенькая! Здравствуй! Давно тебя не было. Давай, раздевайся, посмотрю.

Я тихо сажусь на стул, беру листок и пишу: «Мне надо с вами поговорить, у меня может быть прослушка в сумке, меня бьёт муж». Трясущейся рукой протягиваю, уповая на Бога, на всех святых, на удачу, на звезды – на что угодно, лишь бы эта милая женщина, мой гинеколог, как-то мне помогла. Не знаю, чем, как? Но обратиться мне не к кому...

Я читала в интернете: она занимается благотворительностью, её муж какой-то бизнесмен, они богаты, у них хорошая репутация. У неё своя частная клиника, меня к ней Игорь и привез впервые три года назад, как к прекрасному врачу, и...престижному.

Она прочитала, подняла глаза, всматриваясь в меня. Секунды тишины – вечность...бывает и так.

- Василиса, ну, тут всё в порядке, давай-ка УЗИ сделаем, мой агрегат барахлит, пошли в соседний кабинет. Салфетку выкидывай.

Берет листок, пишет: «Раздевайся».

Я быстро и тихо снимаю всё до белья, она осматривает меня, видит на спине шрам и синяки, сглатывает, подает мне

свой халат со спинки кресла. Мы выходим из смотровой. Заходим в другой кабинет.

Она кому-то звонит.

- Паша, срочно ко мне, срочно.

- Насть, ты с дуба рухнула? У меня планёрка через 5 минут.

- Вопрос жизни и смерти.

- Чей, Насть?

- Василисы Урзус.

Тишина в трубке.

- Буду через полчаса.

- Через 15 минут. Время, Паш.

- Хорошо.

- Василиса, позвони мужу, скажи, что ты тут на три часа задержишься, прокапать тебя надо.

Мы идем снова в смотровую. Я набираю мужа.

- Игорь, я задержусь в клинике на три часа.

- Зачем?

- Мне капельницы назначили.

- Что с тобой, воробышек?

Анастасия Юрьевна берет мою трубку.

- Игорь, приветствую вас! Это Анастасия Юрьевна, ничего с вашим воробышком не случилось, витамины и железо ей прокапаем, будет как орлица. Сына хотите?

- Хочу! Анастасия Юрьевна, можно на «ты», мы же договаривались.

- Вот, Игорек! Заботливый ты муж. Надо жену витаминками подпитать. В 14.00 можешь забирать свою зазнобу.

- Хорошо. Спасибо.

Мы опять пошли в кабинет.

- Василиса, мой муж приедет, расскажешь ему всё, без утаек и прикрас.

- У него же бизнес, он...

- Ага. Не утаивай, как есть. Я хочу тебе помочь.

- Спасибо!

Я тихо сижу, Анастасия Юрьевна что-то строчит в телефоне. Время тянется, мне кажется, что сейчас зайдет мой муж, схватит меня и потащит домой.

- Пишу Славе, охраннику, чтобы никого не пропускал без моего согласия, - она словно чувствует, поясняет мне.

2.

Через пятнадцать минут в кабинет заходит крепкий высокий мужчина в черном пиджаке, белой рубашке, (даже через одежду видны крепкие мышцы), темных модных джинсах и светлых кроссовках, замечаю дорогие часы, зная уже некоторые бренды. Муж Анастасии Юрьевны абсолютно лысый, с острыми скулами, умными серыми глазами. Смотрит на меня внимательно.

- Павел Андреевич Бравинский. Здравствуйте, Василиса.

Я киваю. Молчу, словно язык проглотила. Сердце трепыхается. Неужели, я смогу? А я смогу! Должна, блин...

Одним шагом мужчина оказывается у кресла жены, целует её где-то возле губ, еле касаясь, быстро проводит носом по щеке. Я замечаю это. В последнее время я так одичала без людей, что замечаю полутона, мельком брошенный взгляд, нет, не замечаю, их ловлю, жадно выискиваю, а потом смакуя, вспоминаю. Даже короткий разговор с консьержкой, тётей Леной, для меня с недавнего времени радость бытия.

Слезы-предательницы зачем-то сейчас подступили к глазам, я начинаю быстро моргать, впихивая их внутрь себя, опускаю голову.

Мужчина кивает на меня, вопросительно смотрит на жену.

- Василиса предполагает, что на ней и в сумке могут быть

"жучки".

- Где вещи? Я проверю, можно?

Я киваю.

- Конечно, - вышло как-то блеюще-жалко.

Павел Андреевич вышел.

- Василиса, Павла не бойся, если не он, то никто не поможет, поняла?

Снова закивала, как китайский болванчик.

Буквально через пару минут пришел Бравинский, взял стул у стены и сел напротив меня, близко, уставился исподлобья.

- Одежда чистая, а вот в сумочке под подкладом похоже прослушка. Рассказывай всё. Сколько у нас?

Он посмотрел на жену.

- В два он её заберет.

Мужчина облокотил предплечья на колени, наклонился, я подняла взгляд на Анастасию Юрьевну.

- Паш, не дави!

Он откинулся в кресло, развел руки в стороны – типа «и зачем я тут?».

- Паш, давай, я сяду туда, а в ты в моё кресло.

Семейная чета поменялась местами. Я выдохнула, да, так проще.

- Давай, с самого начала.

Я посмотрела в добрые глаза молодой женщины.

- Мне двадцать шесть лет, я старшая в семье, у мамы оста-

лись на руках мои две сестренки, Але – 17, Вике – 15. Папа умер шесть лет назад, инфаркт. Я поступила в педагогический на факультет иностранных языков, жила в общежитии, а на последнем курсе, беря переводы и репетиторство, мы с Катей стали снимать однокомнатную квартиру.

Не стала говорить, что это время было одно из самых лучших в моей жизни...

- На последнем курсе, уже перед дипломом, мы с волонтерами участвовали в Благотворительном концерте, мы часто ездили по детским домам. Волонтеры играли с детьми, мы пели песни. У нас была студенческая группа вокальная, так, любители. На один из таких вечеров приехали важные люди: бизнесмены, политики - показуха сплошная.

Я не выдержала, прокомментировала. Но тогда казалось всё по-детски "наивно-розовым».

- Так вот, там меня и увидел Игорь Урзус. Предприниматель, на крутой машине, красивый, уверенный. И началось: ухаживания, признания, что я та самая, любовь на века и так далее. Я очаровалась, влюбилась, поверила. Мне даже Катя говорила, что Игорь не тот, кем прикидывается.

Я тяжело вздохнула.

- Первый звоночек уже был после свадьбы, через две недели. Мы приехали из путешествия, и Игорь сказал: «Я отлучусь на два дня, а ты посидишь дома одна и подумаешь о своем поведении». И меня закрыл, забрал ключи. Я прокручивала в голове каждый свой шаг, обижалась на него, он трубку

не брал. Два дня я была одна. Потом приехал как ни в чем не бывало, с цветами, комплиментами, кольцом, сказал, что я очень красивая, а он ревновал, когда мужчины смотрели на меня.

Постепенно Катя исчезла из моей жизни, он запретил встречаться, потом я забеременела. Игорь привез меня к вам. Потом родилась Полюшка.

И я заплакала.

Анастасия Юрьевна подала мне воды, салфетку. Я думала, я уже все выплакала, но тут опять. Так, соберись, люди ждут.

- После родов на второй день врачи сказали, что у Поли порок. Мы лечились, я жила в клинике с доченькой, через четыре месяца её сердечко не выдержало операцию. Такая маленькая, я даже не кормила её толком. Я осталась одна. Мама просилась пожить со мной, но Игорь, как потом выяснилось, отвез ее на вокзал, сказав, что купил мне путевку в санаторий. Я не помню, как прошел год. Я, кажется, плакала всегда. Жалела себя, я была одна, вспоминала каждый месяц беременности, смотрела на одежду Полюшкину. Муж много работал, задерживаясь допоздна, ночевал всегда дома. Я не знала, что Игорь не пускал ко мне ни подруг, ни сестер, придумывая какие-то нелепые отговорки. Он как-то звонки мои контролирует, и все входящие через него проходят. Я с сестрами и с мамой общаюсь всегда при нем. Он стал маньяком. Два года назад я выпросила у мужа собаку. Моя Шери - американский кокер-спаниель. Год назад я проснулась но-

чью, слыша какие-то странные звуки, пошла в кабинет мужа, увидела, как Игорь из сейфа достает что-то. Я поняла, что он стал зависимым. Игорь стал навязчивым, контролирующим, у меня охранник всегда, я хожу в спортзал с охранником, в магазин, в салон – везде. На работу мне запретил ходить. Я схожу с ума. Я знаю о его изменах. Когда он открыл ночной клуб, мы приехали на вечеринку, он меня показывал, как трофей, а не как жену. Стал жестоким, циничным. Он ставит меня голой на стол и мастурбирует, сидя в кресле, и так каждый вторник и четверг - у него ритуал такой, а по пятницам он меня «любит, ведь нам нужен сын». Я вижу, как он что-то принимает, уже меня не стесняюсь, а потом спит или орет. На следующий день дарит подарки, цветы, признаётся в любви. Месяц назад я сбежала, взяла Шери и поехала к маме, написав ему, что хочу развода, мне ничего не надо от него. Меня он вытащил из вагона поезда, дома избил, забрал паспорт. Рана кровила и не заживала, еще и температура поднялась, ночью приехал какой-то доктор, обработал и зашил повреждение. Но и это не всё, моя боль – это мой выбор, как не крути. Но он избил Шери.

И тут я захлебнулась слезами, держа с силой руки у рта, вспоминая.

- Мою ласковую малышку Шери. Она добрая, умеет лишь ласкаться, не знает жестокости, доверяет всем. Она скулила, плакала как ребенок, я закрывала её, получая по бокам кулаками. Он держал её и бил, и бил.

А на утро он просил прощения, осыпая меня розами. Сказал, что, если я уйду, он встретится с моими сестрами. Это синяки с того раза, я лежала неделю потом. Вчера сказала мужу, что у меня цикл сбился, он записал к вам на прием.

- Так, ну изоляция – это уже насилие и статья, не говоря про всё остальное. Василиса, ты умница, ты просто молодец, что пришла, - взяла меня за руки Анастасия Юрьевна.

- Паш, что скажешь?

Павел Андреевич встал, придвинул кресло ближе, сел рядом с женой.

- Василиса, мы давно наблюдаем за твоим мужем, он связан с криминалом, нам надо его поймать, в его клубе уже давно...короче, помоги нам.

- Кому вам?

- Я полковник специального отряда быстрого реагирования, СОБР – слышала о таких?

Я закивала.

- Для непосвященных я бизнесмен, есть у меня пара спортивных клубов. Слушай теперь внимательно. Я дам тебе маленькое устройство, это камера, ты её незаметно прикрепишь на штору, например, в кабинете. Вдруг у вас дома камеры, просто пройдешь, потрогаешь ткань, она зафиксируется, я тебе покажу. Сможешь?

- Да.

- Вечером пойдешь с собакой, во сколько?

- Часов в шесть.

- Отлично, оденешься, как всегда, а в шесть у лифта будет женщина с сумкой, зайдешь с ней. Там переоденешься. Она даст тебе толстовку, штаны, кепку, собаку в сумку спортивную запрячь. И уже другая выйдешь и сядешь в машину с ней, поняла? Охранник где?

- Он в машине всегда ждет. Я выхожу из подъезда, он выходит и идет за мной.

- Ну вот, пусть и сидит там. Так, ну а теперь самое главное, куда тебя спрятать-то? Вас. Собаку-то не оставишь?

- Нет.

- Так и знал! Да ладно ты, не дрейфь, все уже можно сказать на мази. Сестрёнок твоих тоже под крыло возьмем. Ребяткам накажу. Ну, держите пальчики, девочки, звоню Трофиму.

- Павел! Привет!

- Привет, Трофим!

- По делу али как?

- По делу. Девочку у тебя спрятать надо.

Тишина.

И тут по-деловому очень коротко Павел Андреевич обрисовал всю картину.

- Двадцать шесть лет, муж насильник, наркоман. Вот перед нами с Настей сидит, помощи просит. Домой к родителям уезжала, вернул, избил.

Опять тишина.

Тут Анастасия Юрьевна берет у мужа телефон.

- Трофим, привет. Я знаю, что у тебя одни мужики, это я прошу, пациентка она моя, давно её знаю, помоги, пожалуйста, на месяц всего.

- Как пациентка? Беременная что ли?

- Была.

- С ребенком будет?

- Одна.

Тишина.

- Дочь умерла у неё, Трофим. Одна, одна будет.

Тишина.

- Домики заняты все, сезон. Будет жить в моем, который я построил для себя, первый, он пустует давно. Еду готовить сама себе будет, в столовую нечего ей ходить, в доме печь есть. Всё?

Тут Павел трубку взял снова.

- Спасибо, Трофим! Сколько?

- На хуй пошёл!

- Понял, она завтра придёт, встретишь?

- Я завтра не могу. Встретят её. Фамилия как муженька?

- Урзус.

- Понял. Давай.

- Спасибо!

Павел Андреевич выдохнул глубоко.

- Ну, счастливая ты, Василиса, тебя в такую заимку закинем, век твой наркоман не найдет.

- Спасибо! Сестер моих охраняйте, пожалуйста, очень

прошу.

- Само собой. Паспорт дома конечно?

- У него.

- У меня скан есть в деле.

Бравинские засуетились вокруг меня, Анастасия Юрьевна диктовала мои данные из компьютера, поглядела на часы.

- У нас еще час, еще кофе попьем.

Павел Андреевич отлучился, вернулся с портфелем, достал из него коробок, размером со спичечный, вынул устройство, как наушник. Показал, как он крепится.

Потом обнял жену, что-то ей прошептал, поцеловал в губы и ушел.

Я не выдержала, подошла и обняла эту женщину.

Она похлопала меня по спине.

Мы пили кофе с конфетами, мне хотелось, чтобы этот час тянулся и тянулся.

- Знаешь, Василиса, ты мне меня же напомнила десять лет назад. Мне было двадцать пять, Паше тридцать пять. Он ведь тоже меня из рук мужа-бандита вытащил, спас. Так же вот, как ты, повелась на красивые слова, не углядела криминала, в такую жопу попала. Бравинский и ребята дом наш брали, я сидела под столом, когда спецназ ворвался, перестрелка началась. Это ад кромешный был. Ну, вот, спас... Красивые мы, Василиса, и доверчивые оказались.

Она загадочно улыбнулась, смакуя кофе и видимо очень приятные воспоминания.

- Молодец, что решилась, ты умница. Давай пробежимся по пунктам, что и в какое время ты делаешь.

Я всё рассказала.

- А этот Трофим кто? И где заимка эта?

- Трофим - друг и бывший сослуживец Паши. Он на два года моложе мужа моего, ему сорок два. Он в отставке. После гибели сына бросил всё, уехал в леса Карелии, построил себе дом, там такие места красивые. Стали мужики к нему ездить. Он еще домики настроил. Ну, как домики, хм, сейчас у него элитный комплекс из двенадцати домов, огромный спортивный зал, баня со всеми прибабасами. Приезжают туда мужчины восстановиться, побыть наедине с собой, с лесом, там озера кругом, такая природа, рай там. Вот там и живет. К нему за два года записываются, вот сказал, что занято все, и берет, паршивец, как барин, дорого. Мы там с Пашей были, нам исключение сделал, с женщиной разрешил. Повара работают у него отменные, три женщины по стирке и уборке вроде, а остальное - сам.

- А жена? Что с сыном случилось?

- Жена пьяная за руль села, сыну десять было, погиб на месте, лет восемь назад уже как. Жена живая, ни царапины. Дура такая... Вот как нас связывает судьба с непутевыми? Нда... Живет бобылём Трофим. Паша говорит, что баб не любит он, стороной обходит.

- Анастасия Юрьевна, у меня денег нет, я могу украшения дать, заложить, я..

- Василиса, стоп. Знаешь, когда я жила с первым мужем, у меня было всё: шмотки, бриллианты, куча косметики люксовой, но я не могла купить себе даже пачку сигарет. Курила я тогда. Стреляла у мужиков, вот. Ты про это не думай, я тебя услышала. Если вдруг встанет какой-нибудь финансовый вопрос, я тебе скажу. Я кризисному центру помогаю, там такие истории...там такие женщины, ох. Ладно, пошли в жучок поговорим, разбужу тебя типа.

3.

Ровно в два часа я вышла из клиники, меня Игорь встретил сам.

Я села в машину, на заднем сидении лежали роскошные длинные розы. В последнее время я перестала видеть в них красоту, да. Мы тронулись. Отъехав недалеко от клиники, Игорь припарковался, развернулся, разглядывая меня, смотрел на лицо, руки, грудь, ноги, положил руку на колено, сжал.

Я съежилась, запаниковала. Его зрачки были сильно увеличены. Неужели он под кайфом? За рулём же.

Он потянулся, провел по щеке подушечкой большого пальца.

- Ты моя, принцесса, знаешь же?

- Конечно твоя, Игорь.

- Твои глаза...

Он усмехнулся как-то горько.

- И невинность и порочность – всё в них. Губки твои бантиком, титечки мягкие и упругие одновременно, сосочки розовые, руки тонкие, лодыжки, я тебя люблю, а вот ты меня нет.

Сердце моё билось, я его боялась, этот взгляд чужой, неадекватный, стеклянный, застывший какой-то.

- Поехали домой, Игорь.

- Не отрицаешь даже... Устала?

Его забота казалась такой пугающей, что меня начало трясти.

- Замерзла что ли?

- Долго под капельницей лежала, как-то не по себе.

- Ну, поехали, сегодня четверг, потанцуешь мне на столе. Люблю эти дни.

Мы поехали.

Дома он закрылся в кабинете, был там около получаса, потом ему позвонили, и он уехал спешно. Ничего не сказал.

Хоть бы до шести не приехал. Господи, помоги! Обычно он часов в восемь домой приходит.

Я легла, закрыла глаза, пытаюсь успокоиться. По рекомендации Анастасии Юрьевны дала за полчаса до выхода Шери таблетку, успокоительное/снотворное, чтобы она не выдала себя, спала в сумке.

Зашла в кабинет мужа, приоткрыла окно на проветривание, ухватилась за штору, сминая ткань в кулаке, крепя устройство.

Взяла из комода у себя несколько колец и браслеты – денег у меня не было, продам или заложу в ломбарде, выбрала два комплекта мягкого нательного белья, носки, майку, шорты, пошла со всем добром в ванную.

Приняла душ, соорудила тугий пучок на голове, чтобы под кепку удобнее было прятать волосы, нацепила браслеты, кольца спрятала в носок, аккуратно закрутила бельё, утрам-

бовала, укладывая в собачью сумку, с которой гуляла всегда с Шери, выкидывая пакеты для собачьих дел из неё.

Без пяти шесть пошла за собакой, она вяло помахала хвостиком.

- Пошли, моя леди, на прогулку.

Мы вышли ровно в шесть. На лестничной клетке стояла женщина, очень обычная, неприметная: в футболке светлой, джинсах классических, лет сорок пять - пятьдесят, о таких говорят - безлика. Мы обе зашли в лифт. Она помогала мне со знанием дела. Через несколько минут мы вышли. Я была уже в сером худи, черной кепке, темных очках, широких бесформенных серых штанах, в спортивной сумке - Шери.

Мы сели в машину с логотипами такси.

Женщина села со мной на заднее сидение, окинула взглядом:

- Всё нормально, повезло, что не на машине пилить, сейчас в самолет, там тебя встретят. Трофиму привет от Лизы передай.

- Спасибо вам.

- Удачи. И, не все мужики – козлы, девочка, поверь. Ты Снежана Воробьёва, столичный блогер. Богатая москвичка приехала снимать рилсы о природе, душе и прочее, сама думаешь.

Водитель хихикнул.

Мы молча ехали, я смотрела в окно на мелькающее позднее лето, конец августа. Красиво.

Внутри всё трепыхалось, кажется, даже кожа тряслась и корни волос. Я не хотела даже представлять, что меня найдёт Игорь, но постоянно именно это и крутилось в голове. Полиция меня не слушает, отдаст всё равно ему, у него в друзьях несколько полицейских.

Меня затронула женщина, и я крупно вздрогнула.

Она посмотрела на меня очень участливо, и я только сейчас увидела её глаза, грустные какие-то и голубые-голубые, что на фоне неба из окна машины казались очень нежными.

Лиза передала мне кнопочный телефон, в котором был записан только один номер - Павла Андреевича. Свой телефон я оставила дома, как и договаривались.

- Люди приходят в нашу жизнь, уходят, твоя полоса черная заканчивается, значит для чего-то тебе этот опыт нужен был. Не злись, главное, на жизнь. Бог им судья. И помни: никто нам не обязан. Улыбайся. Улыбайся, даже когда слёзы душат. Если больно, значит живая. Хуже, когда ничего уже не чувствуешь, а еще хуже, когда не хочешь чувствовать. У тебя есть тот, кто тебя любит всегда – это ты сама.

О, это такие красивые слова, но как противостоять силе, как развестись с тем, кто нездоров уже, не отпускает, преследует...

- Спасибо вам.

Мы опять устали - каждая в своё окно.

В аэропорту суeta и бесконечно снующие люди меня успокоили. Я чувствовала себя затерявшейся, заглянула в сумку,

Шери сладко спала.

Мы улетали из Внуково. Лететь нам до Петрозаводска один час двадцать минут – это я узнала уже у стойки регистрации. Моя сопровождающая Лиза попросила у агента, показав удостоверение, пригласить её начальника.

Девушка вызвала кого-то по внутреннему телефону, мы отошли от стойки, пройдя чуть по терминалу в сторону.

К нам подошел мужчина, Лиза представилась, показала ему удостоверение, что-то еще говорила.

- Пойдёмте за мной, - обратился мужчина ко мне.

Лиза подошла ко мне, улыбнулась впервые и напомнила, чтобы я привет передала Трофиму от неё.

- Я помню, Елизавета, я передам обязательно.

Она кивнула, поджав губы.

Салон был полон пассажиров, полная посадка, я сидела у окна, обняла сумку, открыв побольше замок, задремала. Меня даже не попросили багаж мой драгоценный убрать в ноги, так с Шери на руках мы и пролетели эти полтора часа.

Я знала, что мне надо выйти к стоянке, шла в толпе на выход. Услышала звонкий девичий голос радостной встречи, но оборачиваться не стала. Вышла на стоянку такси, меня должны узнать по сумке. Я еще раз на неё посмотрела: сумка как сумка, вздохнула, углубилась в капюшон, поправила очки, ждала.

- Снежана! Здравствуйте!

Повернув голову, увидела высокого крепкого парня, он

протянул руку, чтобы взять сумку, я схватилась за ручки мертвой хваткой.

- Я сама!

- Ок, поехали, вас ждут уже, - улыбаясь во все зубы, беззастенчиво меня рассматривал молодой человек.

Я шла за парнем, ему было лет восемнадцать-двадцать, симпатичный, наглый, как все молодые, что ж. Я улыбнулась, у него вся жизнь впереди.

Я рассуждала, как будто мне сто через месяц стукнет.

Сели в черный внедорожник.

Мы ехали долго, остановились у придорожного кафе, справили нужду, мне водитель предложил воды, я с удовольствием выпила почти половину полторалитровой бутылки за раз.

- Чё молчала, что пить хочешь?

Я в водительское зеркало увидела смеющиеся и любопытные глаза.

Не знала, что ответить, растерялась. Дожилась, я забыла, как общаться с парнями, как вообще общаться. Парень шумно выдохнул, надув щеки.

Пусть думает, что я недотрога столичная... мне всё равно, но мне хотелось именно ему сейчас сказать, что я из прекрасной Твери и там очень уютно, да. Я смотрела на дорогу. Молчала.

4.

От городских пейзажей мы плавно въезжали в живописные места, где природа соединила скалы, леса и воду. Мы проезжали мимо скалистых холмов, покрытых соснами, что были разбросаны на акватории огромного озера. Время близилось к полуночи.

- Ладожское... - тихо сказал водитель.

Мы снова встретились глазами в его зеркале.

- Спасибо!

Он улыбнулся, пожал плечами.

Гладкие, словно отполированные, скалы уходили прямо в глубокую воду. Я чувствовала себя первооткрывателем. Было темно, но дорога хорошо освещалась специальными световыми приборами.

- Недалеко водопад Кивач, второй по величине водопад Европы. Он не мощный и оглушительный, а величественный и гипнотический.

- Как зовут тебя?

- Семён.

- Красиво говоришь, Семён, с любовью.

Он как-то серьезно на меня глянул.

- Здесь очень красиво, здесь магия. Например, гора Воттоваара – место, окутанное мистическими легендами и тайнами. Вы по-модному называете такие места – «местами си-

лы», ну, оно так и есть, вообще-то.

- А вы, это кто, Семен?

- Ну, приехавшие отдохнуть от политики, от городской жизни, бизнесмены, блогеры, актеры знаменитые тут были не раз.

- А! ну, да.

Оставшуюся дорогу ехали молча, Шери спала уже третий час...

Мы заехали в лесной массив, поехали по бездорожью. Мимо мелькали величавые сосны и ели, даже разглядела карликовые березки по белым стволам.

Ехали медленно. Семён открыл окна. Я вдохнула – легко так и вкусно. Слезы подступили. Вот только зареветь осталось, но я не смогла сдержаться.

Если бы я не рискнула... побоялась... ведь Анастасия Юрьевна могла бы тут же позвонить моему мужу... нет, мне с самой первой встречи она внушила доверие.... Я смогла... Я дойду до конца, я уйду от него.... В голове мысли скакали, вопросы – ответы, догадки, предположения и так по кругу...Ах!

Лицо углубила в капюшон, Семён опять цокнул, смотрела в темноту на мелькающие огромные тени деревьев, украдкой вытирая слезы.

Стала пить, руки почему-то дрожали, Семён остановился, развернулся.

- У тебя парень есть?

- Я замужем, Семён.

- Понял.

Мы поехали дальше.

Проехав в тишине еще минут тридцать, водитель остановился у невысоких ворот с красивой резной табличкой «В лесу».

Семён вышел, набрал код на воротах, и откатная конструкция двинулась вдоль линии забора. Мы заехали на территорию базы. Я увидела деревянные домики, красиво расположенные высокие фонари, что заботливо мягким приглушенным светом освещали территорию Трофима, который меня приютит в своём комплексе на целый месяц, пока Павел Андреевич решает дела с Игорем.

Дома были расположены на приличном расстоянии друг от друга, насчитала пять. Домики были с верандами, с зонами отдыха, даже лежаки у домов имелись. Все это было среди деревьев. Мы подъехали к одному из домов, за ним размещалась парковка и несколько машин.

Семён открыл мне дверь, приглашая войти внутрь, сам остался на улице. На ресепшене за стойкой стояла стройная ухоженная блондинка, лет сорока пяти, с аккуратным каре, яркими красными губами, в белой блузке. С ней разговаривал постоялец, она его записывала в баню, предлагая время посещения. Я огляделась, узрев карту этого комплекса на стене, подошла, стала изучать. На территории была зона питания - общая кухня-столовая и возможность готовить на

мангале, даже арендовать самовары, казаны. Также имелся большой спортивный зал с тренажёрами, спортивные площадки для волейбола, баскетбола, прокат лодок.

И все это было в лесу. На карте я разглядела еще много водоёмов поблизости.

- Снежана Воробьева!

- Снежана Воробьева?

О, я не сразу сообразила, что это мне, подошла к даме.

- Ваш домик готов, он расположен далеко. Вы же не будете питаться в нашем кафе?

- Да, не буду.

Я в окно увидела массивную фигуру мужчины в камуфлированной одежде. Он подошел к Семёну, они говорили, я рассматривала их.

Дамочка нагнулась ко мне и прошептала:

- Трофим – мой мужчина.

Я резко опустила глаза: - Я не собираю...

- Вот и не надо.

- Я замужем, проводите меня к домику, пожалуйста.

- Снежана?

Я обернулась. В дверях стоял крупный взрослый мужчина: короткая стрижка, черная борода, тяжелый взгляд из-под нахмуренных бровей, одет в камуфлированный костюм и высокие кожаные ботинки. Строгий, сердитый даже...

- Да.

- Я Трофим. Пойдёмте.

Я пошла за ним, разглядывая хозяина этого лесного царства. Спинища огромная, шея мощная, Трофим уверенно шагнул, я семенила за ним, как Пятачок за Винни-Пухом, да. Почему-то я его не боялась, наоборот, он вызывал давно забытое чувство безопасности. Я улыбнулась, предвкушая состояние спокойствия.

- Это все ваши вещи? - не оборачиваясь, спросил Трофим.

- Да.

И тут навстречу нам выбежал пес, большой и лохматый, неизвестной породы, похоже, дворняга, виляя радостно хвостом.

- Не бойтесь, не укусит.

И тут моя Шери начала заливисто лаять. Он резко обернулся.

Я присела, выпустила своё сокровище. Она меня всю облизала сначала, потом Шери присела и справила нужду. Пес бегал вокруг, нюхая мою леди.

Трофим вздохнул.

- Без вещей значит.

- Она у меня смиренная, мы будем аккуратно, она не грызет мебель, и, спасибо, что приютили.

Он молча пошел вперед, а собаки кружились вокруг, играли.

- Шери, иди сюда! Шери, не убегай! Шери, блин...

Она похоже тоже одичала, как и хозяйка, вкусила природу, обалдела и носилась с собакой, как припадочная.

- Бим! Ко мне!

Пес послушно подбежал к ноге Трофима.

- Вон ваш дом, там холодильник есть, плита, если будет холодно – обогреватель имеется, можно печь затопить, но лучше не надо. Для всех отдыхающих, вы Снежана, блогер. Советую по территории не ходить часто, за домом озеро, сюда не ходят, в основном в той стороне гуляют все.

- Спасибо вам.

- Вот ключ.

Всучил мне ключ, развернулся и пошел в сторону базы, я пошла к своему жилищу.

Шла еще минут пять. Дом этот был словно за базой, за всей территорией, в окружении деревьев, как укрыт ото всех и вся.

- Как же здесь красиво!

Шери носилась радостная вокруг меня, нюхая всё подряд.

- Придется тебе перейти на месяц на другое питание, булочка.

Открыла дверь, зашла внутрь, нащупала выключатель.

В доме была всего одна жилая комната на первом этаже, она служила и гостиной, и столовой, и кухней. В углу холодильник, тут же плита, столешница для приготовления, стул один у стойки, небольшой комод под вещи. Всё.

Увидела две двери. За одной - типа гардеробной, перекладина одна и много плечиков на ней, за другой – хозблок: обогреватель, веник, савок, чистящие средства, тазы, ведро,

тряпки и прочая утварь. В холодильнике был творог, яйца, молоко, в шкафу - кофе, сахар, чай и так по мелочи всего. Под раковиной ведро с картошкой, на полках крупы, масло.

Я в раю. С любопытством поднялась на второй этаж, там была небольшая комната под мансардной крышей, в которой располагалась двуспальная кровать и огромное окно во всю стену. Здесь же было небольшое помещение, в котором размещалась угловая душевая кабина, унитаз, раковина с большим зеркалом над ней, шкаф под раковиной, в углу небольшая стиральная машина - всё со вкусом, аккуратно и чисто.

Я достала из сумки телефон, проверила, Павел Андреевич обещал позвонить сам, мне хотелось спросить про маму и сестер, да и вообще узнать хоть что-нибудь.

Приняла душ, вышла в одних трусах и мягком топе, прошла по своему временному жилищу, намесила в самой глубокой тарелке творог со сметаной, часть дала Шери, себе плюхнула столовую ложку сахара в аппетитную массу и с удовольствием съела в прикуску с хлебом.

Мы с Шери легли в кровать, постель вкусно пахла свежестью. Я отрубилась мгновенно.

5.

Я проснулась от лая Шери, открыла глаза. В дверь стучали. Громко и сильно.

Рывком соскочила с кровати, сердце билось от быстрого пробуждения и резких движений, спустилась на первый этаж.

- Кто?

- Трофим! – гроыхнул голос.

Я схватила кофту со стула, надела быстро, открыла дверь.

- Почему телефон не берёте?

- Я спала, не слышала.

Этот Трофим как горища стоял и сверлил вопросительно меня своими строгими глазами.

Трофим достал телефон, позвонил кому-то..

- Паш, нормально всё, спала. Ага, давай.

Я не успела сказать ни слова, хотела спросить про своих, и тут услышала слабый рингтон за спиной – простой гудок, как у стационарного телефона, еще и еле слышный.

Подбежала к столу, взяла телефон:

- Аллё.

- Василиса, доброе утро! Пожалуйста, телефон носи везде с собой: в душ, в туалет – везде.

- Хорошо! Здравствуйте, Павел Андреевич. Как мои?

- Нормально. Был твой у них, убедился, что тебя нет и не

было - уехал, ищет тебя.

- О! Маме, что сказали, сестрам?

- С мамой твоей мой капитан говорил, успокоил, он умеет.

Ну, и сестренка у тебя. Боевая!

- Алька?

- Ага, капитану моему по причинному месту зарядила.

- А он?

- Сказал, как восемнадцать исполнится, замуж возьмет.

Я улыбнулась.

- Спасибо вам.

- Всё, бывай, телефон рядом. Я буду звонить. Ох, сестрички вы...

Я посмотрела на Трофима, он всё слышал, конечно же.

За его спиной я разглядела блондинку, она вышла из спортивного зала, направляясь в сторону домов, и если сейчас обернется, то увидит своего мужчину со мной. Я схватила за рукав Трофима и затащила в дом, закрывая дверь. Он вяло, но поддался, сведя брови.

- Там ваша женщина. Она меня предупредила, чтобы я держалась от вас подальше. Сейчас уйдет, вы выйдите.

Он, не двигаясь с места, чуть отклонился назад, посмотрел в окно. Потом пошел к двери, открывать.

- Я хочу спокойно тут месяц отсидеться, пожалуйста.

Не хотелось никаких разборок с бабами, на пустом месте.

Я нагнулась и посмотрела в замочную скважину, она шла прямо к моему домику.

Я выпрямилась.

- Пожалуйста! – одними губами прошептала и палец при-
слонила к губам, прося этого жуткого Трофима подыграть и
постоять пару минут тихо.

Мы услышали стук в дверь. Шери залилась лаем, звонко
и громко.

Еще стук. Лай.

- Ну и где эта столичная шалава гуляет? Да, заткнись ты,
шавка. И этого тоже нигде нету, всё уже обошла.

Шери еще пуще залаяла.

Блондинка пнула дверь, я вздрогнула. Трофим сжал че-
люсти, смотрел куда-то в пол. Я снова нагнулась, смотрела в
замочную скважину, и как только она скрылась, сказала:

- Всё, идите!

Он глянул на меня как на исчадие ада и вышел.

Я довольная, что всё с моими в порядке, что эта блонде
меня со своим Трофимом не видела, пошла в ванную ком-
нату. Глянула в зеркало. Вчера я легла спать с мокрыми во-
лосами, и на голове было не гнездо, было разоренное гнездо.
Вздохнула. Сняла кофту и поняла, что, наклоняясь смотреть
в замочную скважину, я светила своей задницей, посмотре-
ла на трусы – серые в красные сердечки, ну, а что - удобные
и высокие.

Я закрыла глаза, представляя картину, которую видел этот
Трофим. Вздохнула.

Приняла душ, вымыла голову, расчесывая спутавшиеся

пряди, снова намесила творог, сегодня с вареньем клубничным и с жадностью слопала весь.

Надела свои единственные безразмерные серые штаны, футболку, кепку, взяла Шери, и мы пошли к озеру.

Шери тут нравилось, она нюхала всё, её хвостик не переставал мелко радостно вилять. Я жадно смотрела на умопомрачительные виды, земля была вся усыпана хвоей, свет падал между стволами. Мы вышли к водоёму, от пологого берега к воде вела тропинка, затем деревянный пирс, кем-то заботливо сделанный. Я прошлась по нему, остановилась, глядя на спокойную гладь озера.

Вернулась в дом, выбрала книгу из стопок, что стояли на полу на втором этаже. Взяла по понравившемуся названию: «Путешествие домой. Майкл Томас и семь ангелов», вернулась на пирс и села читать. Я с упоением читала, Шери, набегавшись, улеглась рядышком. Она – городская барышня, быстро устала от воздуха и беготни.

Я обернулась назад, мне показалось, что на меня смотрят, никого не увидела, да и Шери спала, не реагировала, проверила телефон и снова погрузилась в чтение. Когда уже ноги отекли, а желудок оповестил о голоде урчанием, я поднялась, вода так и манила, я потрогала рукой – теплая!

Если никого здесь не увижу, завтра искупаюсь обязательно.

Вернувшись домой, пожарила картошку, доела творог. Я не могла им наестся, он был мягким, мокрым и очень вкус-

ным. Еще бы творог такой раздобыть, сделала бы сырники, сглотнула.

За неспешной приятной суетой прошел день, я поняла, что мне так хорошо не было уже очень-очень давно, наверное, только в детстве. И вправду, место магическое здесь.

Забралась в кровать, включила ночник, рядом легла Шери с одной стороны от меня, с другой - положила телефон. Я снова быстро отрубилась.

6.

Проснувшись от пения птиц. Шери наглым образом спала рядышком на подушке, я погладила свою любимицу, она открыла глаза, смотрела добрыми глазами.

Она чувствует мои эмоции, если больно мне – она болеет, если мне хорошо – у неё счастье. Шери умеет любить просто за то, что у неё есть я и всё. Я обняла её, она вкусно пахла псинкой, характерным запахом собачьей шерсти. Шери тут же завалилась на спину, подставляя животик, почесала ей пузо.

Я нехотя поднялась, открыла шторы, снова и снова поражаясь красотой этого места, и завалилась опять в кровать, разглядывая в панорамное окно небо и кроны сосен. Солнце уже было высоко, небо ясное – день будет жарким, хотя ночи уже прохладные. Я на эту ночь притащила обогреватель на второй этаж, прогрела перед сном помещение. Мы с Шери лежали, спешить нам некуда. Я не планировала жизнь, нет, первостепенная моя задача – это развод, работу я найду, да, и домой к маме можно уехать, учителя везде нужны.

Я вспомнила, как мы с Катькой переезжали в квартиру, сколько было счастья и планов, и мечт.

Я скучаю по ней, по нам, очень... Вспомнила, как она меня называла «старой девой». Она еще в шестнадцать простилась с целомудренностью, меняла парней, получая от тесно-

го общения кайф.

Я погрузилась в воспоминания...одно за другим замелькали в моей памяти:

- Я дорожу тем, что я у тебя первый мужчина, нет, не так, я твой единственный мужчина, Василиса моя, принцесса моя...Двадцать один год, такая внешность и девочка, ты ж моя куколка...

- Василиса, отныне будешь ходить на постоянной основе в очень хороший бьюти-салон, там тебе за несколько сеансов удалят волосы с лобка навсегда, будешь поддерживать. Это лазерная эпиляция, не больно, привыкнешь...Не люблю растительность там...

- Встань на стол, моя принцесса...О, покрутись...Ты как кукла, знаешь, я был с отцом в Японии. Они тогда с матерью развелись, мать с Кирой, младшей сестрой моей, уехали в Германию. Отец с любовницей оформляли ПМЖ в Швейцарии, вот меня и повез развлекаться напоследок, откупившись крупной суммой и своим бизнесом. Меня тут кинули одного, сами свалили, да и хер на них. Так вот я видел кукол этих, дорого стоили, ты как они. Наверное, с таких девочек делают, я думал не бывает таких: длинные ноги, тонкие лодыжки, широкие бедра, узкая талия, руки тонкие изящные, грудь большая, тяжелая, соски розовые, глаза твои и губы – всё кукольное. Смотри, как стоит, как капает на тебя, дырочку твою хочу всегда, ротик твой хочу. Ляг... Ложись...Раздвинь ножки....да...розовые губки...О, черт!

Да...хорошо....

- В рот бери, глубже...кукла и есть, нет в тебе отдачи...
- Хватит реветь уже, ей четыре месяца было, и не человек еще, я вообще не понял, что отцом был, не держал даже её... может и лучше, чем лечили бы...
- Видела у меня засос на шее? И не спрашиваешь, кукла. Всё равно тебе, да? Раздевайся..

Я повернулась на бок, отгоняя эти сцены. Я хотела быть женой, любить, быть любимой, быть партнером, познавать радости секса, но у меня не получалось, я не возбуждалась с Игорем. А потом вообще не хотела им заниматься, может, я холодная фригидная женщина. Вот Катька – любительница телесных удовольствий, а я - наоборот.

Я вздохнула, Шери уже соскочила, просилась на улицу. Взяла телефон, пошла в душ. Звонок, я быстро выключила воду.

- Аллё!
- Василиса, приветствую!
 - Здравствуйте, Павел Андреевич!
- Один вопрос, у Игоря есть недвижимость за границей?
- Отец и мать живут не в России, а есть ли у него, не знаю.
- Все хорошо?
- Да, спасибо вам. Мама спокойна?
- Да, все нормально у твоих, у них квартирант живет в бане.
- Капитан ваш?

- Ага. Всё бывай, слушайся Трофима.

- До свидания...

Гудки уже, бросил трубку.

Я представила Алю, которая, да, может и двинуть между ног мужчине.

Мама с папой очень хотели второго ребенка, сына. Мама даже в курортологии лечилась по-женски, и родилась у них Алефтина, Алька наша, звезда, а потом следом Виктория. Алька – огонь, пацанка, а Виктория – «ботанка», всё за учебниками. Мы все, как мама, выглядим хрупкими, но у нас у всех грудь большая, бедра широкие, глаза выразительные. Папа маму любил. Я улыбалась, вспоминая своих.

Сварила пять яиц, три скормила Шери, два съела сама, смачно намазав толстым слоем масло на хлеб, сделала кофе с молоком – вкусно-то как!

Надела свои треники, подвязав веревкой, что нашла в хозблоке, футболку, что высохла за ночь, кепку, взяла книгу и пошла на озеро. Время было 10.30.

Опустив ноги в воду, читала. Шери уже обвыклась, побегав, распласталась рядом, дремала. Вдруг она резко вскочила и рванула, я развернулась, к нам бежал Бим, крутя пушистым хвостом, за ним по тропинке шел Трофим. Как всегда в камуфлированных штанах, черной футболке, высоких ботинках. Я поглядела на экран телефона, что лежал на пирсе, может опять пропустила звонок - нет, всё нормально. Он остановился у воды.

- Через десять минут едем в магазин, подходите к дому, где вас оформляли.

- Мне не надо в магазин.

- Десять минут.

- Мне не надо.

Он шагнул широко к пирсу, я встала, конструкция под ним раскачивалась, я схватила телефон, убрала в карман. Он подошел и сказал строго:

- Мы едем в магазин за продуктами. Голодовку объявишь?
- перешел на "ты".

- В доме достаточно еды.

Он нахмурил брови, сжал губы. Видно было: я его раздражала и бесила, по выражению лица заметно, что нянчиться ему совсем не хочется, да и забот, наверное, у него выше крыши, сезон же.

- У меня нет денег. Есть ювелирные изделия, их можно заложить в ломбарде.

Я подняла взгляд на Трофима.

- Я оплачу. Десять минут.

Развернулся и пошел.

- Не надо.

Он повернул голову, впился взглядом.

- В долг, отдашь потом.

Да, еды у меня мало, еще целый месяц тут, да и Шери кормить надо.

- Спасибо! Я всё вам отдам!

Он кивнул и пошел широкой поступью от озера:

- Бим, ко мне!

Бим послушно побежал за хозяином. Шери, обомлевшая от ласки добродушного Бима, скакала на задних лапах, запрыгивая на меня. Я знала, так она выражала особую признательность, я нагнулась, она меня вылизывала, благодаря. Смешная, ласковая, отзывчивая, доверчивая моя Шери.

7.

Через десять минут мы с Шери стояли у указанного дома. Собираться мне не надо, в чем была - в том и пошла, сходила только «на дорожку» в туалет, проверила дом, закрыла окна.

- Снежана, привет! Меня не было вчера, я сеструху отвозил! Как ты устроилась? Нравится? Хочешь на озёра прокатимся?

Добродушный Семён засыпал меня вопросами, я улыбалась ему, была искренне рада его видеть.

Из дома вышел Трофим, зыркнул на Семёна исподлобья.

У меня аж улыбка пропала: «Он что со всеми такой? Смотрит, словно испепелить хочет или заживо съесть...»

Тут открылась дверь и вышла блонде, окинула всех взглядом – словно оценила обстановку и подошла к Трофиму, повисла у него на шее, заискивающе глядя в глаза.

Я отвернулась тут же. Семён гладил Шери, а она добродушно махала хвостом.

- Куплю, - холодно сказал Трофим своей даме. – Ларис, хватит.

Трофим пошел к внедорожнику, на котором я ехала сюда, сел за руль.

- Снежана, пошли, - сказал мне Семён, улыбаясь.

Семён впереди сел, рядом с Трофимом, я с Шери - на заднее сидение.

Шери я держала на коленях, чтобы не замарать чехлы, она послушно сидела, и спустя сорок минут дороги, мы остановились у небольшого супермаркета.

- Собаку надо оставить в машине, - сказал Трофим, посмотрев на меня в салонное зеркало заднего вида.

Я обдумывала, как поступить.

- Я побуду с ней, Снежана, иди, нормально всё будет. Трофим Глебович, купите мне или потом подождете меня?

- Давай, куплю.

Семен достал карточку, протянул своему начальнику.

- Взять что? – гаркнул Трофим.

- Выйдем – скажу.

Мы вышли из салона. Семён что-то шептал Трофиму, тот хмурил брови, но кивал. Мне стало смешно и любопытно, что же Семён там по секрету говорил своему суровому боссу.

Трофим катил большую продуктовую тележку и со знанием дела заполнял её: две тушки курицы, крупы, овощи, я плелась за ним.

- Возьми себе, что надо, для ванной там, одежду можешь, обувь, продукты я сам возьму.

Я только набрала воздуха сказать, он опередил:

- Чек оставишь, всё отдашь потом.

Я кивнула и пошла одна по рядам, выдохнув. По пути взяла корзину для товаров, бросила в неё крем для тела самый простой, кондиционер, шампунь в доме был, губки для мы-

тъя посуды, пакеты разовые – убирать за Шери, прошла к стеллажам с одеждой. Взяла пару хлопковых трусов, шерстяные носки, футболку, увидела простое голубое платье-халат с рукавами фонариками, чуть ниже колена, по скидке -999 руб. Накинула прямо тут же – как раз, положила в корзинку.

Пошла искать Трофима. Он ждал уже у касс, глянул в мою корзину, я в его тележку: курица, мясо, яйца, печенья, пряники, йогурты, сыр, овощи, даже ягоду увидела.

- Это всё мне?

- Да. Из вещей возьми что-нибудь, джинсы там, может, еще что.

Кстати, джинсы не помещали бы, эти шаровары я уже устала подвязывать веревкой.

- Я мигом.

Схватила джинсы своего размера, померила быстро, взяла, пошла к кассам. Трофим в отдельном пакете держал конфеты Рафаэлло, Тофифи, упаковку «Мишек Барни» и еще что-то. Это для Семена, наверное.

Суровый лесник (так про себя я его стала называть) загрузил всё в багажник.

- Еще что-нибудь надо?

Я решила обнаглеть, чек был у меня в кармане, я ему всё отдам обязательно.

- Творог у меня был в холодильнике, такой вкусный, где ...

- Понял, щас заедем.

Мы въехали в поселок с добротными домами, коттеджа-

ми. Трофим припарковался у двухэтажного деревянного дома, посмотрел в зеркало на меня:

- Пошли.

Я снова передала собаку Семёну, она лизнув его, тут же умостила на коленях у парня.

Трофим подошел к воротам, открыл по-свойски калитку, мы прошли внутрь двора.

- Трофимушка, наконец-то пожаловал, давненько не было.

К нам бодро шла полная пожилая женщина, на ходу приветствовала долгожданного гостя, вытирая по пути руки о фартук.

Он улыбнулся впервые, но лишь губами, глаза так и оставались словно замороженные, неучастливые.

- Здравствуйте, Тамара Петровна. Вот, творог ваш понравился, есть в наличии?

Он кивнул, показывая на меня.

Тамара Петровна осмотрела меня быстро с ног до головы.

- Ладненькая какая, а! Ну, Трофимушка! Ну, молодец!

- Тамара Петровна, это гостя, приехала из столицы.

- Ну да, ну да... Трофим, у меня тарелка барахлит, глянешь? А творога килограмма три будет, всё возьмете?

Трофим повернул голову в мою сторону.

- Я сырников сделаю, заморожу, да, всё возьму.

Тамара Петровна улыбалась так хитро, а мы стояли как два истукана.

- Что у вас барахлит? Давайте гляну.

Трофим пошел к дому.

- Как величать тебя, красота?

- Ва..

И тут Трофим остановился резко, плечи его напряглись.

- Снежана меня зовут.

- Ох, как! Ну, жди, Снежана, пойду тебе вкуснятины по пакетам разложу, свеженький, как знала, оставила, как знала...

Я смотрела, как Трофим ловко нёс лестницу одной рукой, поставил к дому, залез, спутниковую тарелку покрутил, осмотрел.

Слез, лестницу вернул на место, подошел к нам.

- Заржавела немного, необходимо устранить коррозию, чтобы сохранить качество работы оборудования, приеду на днях, сделаю.

- Спасибо, Трофимушка. Дай Бог тебе здоровья и жену хорошую.

Трофимушка этот великовозрастный нахмурился. Я засмеялась.

Тамара Петровна тоже захохотала, подмигнула мне. Вот, сводня нашлась.

Протянула мне пакет с творогом и банкой со сметаной:

- Кушай на здоровье, Снежана! Сметана в подарок, попробуешь, скажешь потом, как тебе гостинец.

Я обняла пакет с продуктами как сокровище, даже сглоти-

нула.

- Спасибо огромное, Тамара Петровна. Творог ваш – рай для желудка.

Мы поехали обратно. В салоне тихо играла ненавязчивая инструментальная мелодия, я смотрела на потрясающие виды. Каждый был в своих мыслях.

Семён вызвался меня проводить и донести все продукты, мы с молодым человеком выгрузили пакеты с продуктами.

Трофим остался в машине, припарковав её за домом, направился в сторону столовой-кафе, а мы с Семёном пошли с пакетами до моего домика.

- Снежан, приглашаю тебя на озёра, покажу красоту, ты такое чудо никогда не видела.

- Семен, я замужем, ты же помнишь?

- Кольцо не носишь, муж тебя отпустил одну. Разве это семья?

Ну, что сказать, аргументы железобетонные, наверное.

- Семён, а сколько тебе?

- Двадцать один.

- А мне - двадцать шесть.

Он аж подпрыгнул, крутанулся с пакетами радостно.

- Снежана! Матушка моя батю старше на пять лет тоже, душа в душу всю жизнь!

Что значит «тоже»? Семён-Семён...

- Семён, я не...

- Это тебе! Отбивать тебя у мужа буду!

Он всучил мне пакет, что держал Трофим в магазине, я заглянула внутрь: конфеты разные и самые дорогие, чай с травами, упаковка «Мишек Барни»

- Спасибо! Я..

- Вечером постараюсь вырваться, нефтяники заехали, сожрут деньгами, то им подавай - сё, зайду пожелать спокойной ночи.

Семён побежал, видно, работы невпроворот.

Я разложила продукты, смешала ингредиенты на сырники, нажарила из полкилограмма творога, завтра сделаю вареники.

Слопав с жирной сметаной целую тарелку, поставила бульон куриный вариться, сытая Шери лежала у порога, наблюдая за моими действиями.

Вечером я вымыла голову с кондиционером, решив сегодня не прятать волосы под кепку, надела платье, покрутилась у зеркала. Оно мне шло, подчеркивало грудь и талию, было простым и милым.

Мне не хотелось морочить голову Семёну, он славный парень, молодой, но было очень приятно получать знаки внимания, очень...

А зачем я тут прихорашиваюсь? Хотелось просто, от штанов устала, наверное.

Я двигалась в платье даже по-другому, женственнее что ли... чем в безразмерных трениках, что были мне велики, по-

стоянно сползая к земле...

Вечером мы с Шери прошлись до озера и обратно, и уже подходя к дому увидела бегущего Семёна.

- Снежан, меня Трофим Глебыч завалил работой, но, как обещал.

Он, запыхавшись, нагнулся ко мне, я отшатнулась.

- Спокойной ночи, Снежана! Ты очень красивая.

- Спокойной ночи, Семён.

Он счастливо улыбнулся, достал из-за спины три василька, протянул.

Я взяла, улыбнулась тоже. На тонких высоких стеблях красовались нежно-голубые соцветия.

Поставила их в кружку, чуть подрезав стебельки. Красиво.

Повесила платье на плечики, приняла душ, взяла книгу, оставив на ночь включенным обогреватель. Я здесь уже два дня. Еще почти месяц впереди, мне хотелось, чтобы дни не бежали так быстро, да. За чтением уснула.

8.

Утро следующего дня я провела за лепкой вареников, вспоминая студенческие годы, наши с девчонками ночные репетиции, специально обходя годы своей супружеской жизни. В окно светило солнце, и через стекло сильно жарило в плечо. Мне было спокойно. Такое хорошее и давно забытое состояние: умиротворения, безмятежности, расслабления, тишины кругом, неспешного приготовления еды. И не нужны дополнительные стимулы хорошего настроения в виде телефона, музыки. Я мурлыкала себе под нос всё подряд из нашего студенческого репертуара.

Иногда все же мысли возвращались к Игорю, мне становилось жаль его даже, я понимала, что в нём тяжелым камнем на сердце жила обида на родителей - его оставили одного, хотя ему уже было не мало - двадцать один год, он как раз заканчивал ВУЗ. Защитил диплом, не бросил учебу, был отличником всегда - как он говорил, много стихов помнил наизусть, мне даже цитировал, любил на выставки ходить. Зачем-то ночной клуб купил, продав бизнес отца...нда.

Я красиво разложила вареники на разделочную доску и на три тарелки, разместив всё это в морозильной камере холодильника, шесть штук сварила себе. Шери с удовольствием умяла бульон с кусочками курицы.

На пирсе дочитала книгу, четыре часа пролетели незамет-

но на природе, потянулась, размяв спину и ноги, пошла домой.

На небе сгущались облака, наверное, к дождю, проверила телефон, прошла вдоль берега к базе, увидела группу мужчин, выходящих из спортивного зала, поняла, что они направляются в сторону столовой, задержалась за деревьями, не хотелось привлекать внимание, пошла к своему дому.

Из стопки книг выбрала еще чтиво и, читая, пробовала переводить по предложениям на английский – надо возвращать свое ремесло.

Вечерело. Около шести вечера я надела джинсы, белую футболку, сунула пакет в карман для выгула Шери, и мы пошли к озеру.

У озера я машинально взялась за карманы.

Я забыла телефон! Вот как так-то? Позвала Шери и быстрым шагом направилась к дому.

Но тут моя охотница, вспомнив свои инстинкты спаниеля, увидев белку, рванула к дереву, та от неё, Шери - за ней. Как угорелая собака носилась от дерева к дереву, убегая в лес. Добежит до ствола, а зверёк от неё удирает. Шери за белками, я – за Шери.

- Шери! Ко мне! Всё! Я домой! Всё, я ушла! Шериии!

Ей ни по чем. И только, когда моя городская охотница устала и отчаялась, остановилась, высунув язык. Радости её не было предела – азартно набегалась в догонялки! Я отчитала её, она притихла, слушала, сделав глазки свои виновата

то-плаксивыми.

- Пошли домой, охотница моя.

Я шла быстро к дому. Шла, шла, шла, а домика нашего не было. Ни домика, ни озера, ни тропинки – ничего знакомого. Остановилась, стала крутиться вокруг.

Так – без паники! Глубокий вдох! Наверное, я не заметила, что зашла далеко вглубь леса. Опять пошла в том же направлении, что и шла, но уже внимательно всматриваясь.

Остановилась. Я заблудилась!

Я не знала, куда идти, стала прислушиваться: воду может услышу, голоса чьи-нибудь – тишина. Я ощутила жуткий страх.

Так, главное – не поддаваться страху и панике, да.

- Шери, домой! – я скомандовала и посмотрела на неё.

А она стоит и смотрит на меня, ждет.

Я выбрала, где деревья были пореже, через них падали лучи, пошла туда, остановилась, пошла обратно.

Блять, еще телефон забыла. Как назло.

Кап. На лицо упали капли, крупные. Дождь. До кучи, нормально. Пошел дождь, мелкий и холодный, я побежала к редким деревьям, остановилась. И дождь зарядил, да такой сильный, словно над нами поливали из ведра. Лил..лил..лил. Всё стало одинаковым, дремучим, страшным. Лес за миг потемнел, и из теплого превратился в холодный и неуютный. Шери заскулила, вымокнув мгновенно, подняла на меня глаза и затряслась. Я взяла её на руки, и, углядев высокую и

пышную сосну, побежала, встала под ветки. Дождь бил по веткам, на земле образовались лужи, я была насквозь мокрой, Шери тряслась. Я замерзала. Руки устали держать собаку, и я села у дерева, склонила голову, словно пряча лицо от дождя.

Сколько можно в лесу прожить без еды и воды? Вода есть, только пить мне совсем не хотелось. Меня найдут, наверное. Главное не умереть от холода. Да, смешно, в августе замерзнуть. Я прижала Шери, она была теплой. Зубы мои стучали. Дождь лил стеной. Надеюсь, тут нет зверей.

Мне казалось: я сижу уже вечность. Цвета тонули, зелень под ногами стала почти черной, стволы у деревьев шоколадно-коричневыми, глянцевыми, подняла глаза. Всё, что дальше двадцати метров, растворялось в серой дымчатой пелене, деревья превратились в призрачные силуэты. Мир словно становился каким-то двумерным. Дождь хлестал по веткам и хвоинкам, вода уже булькала в лужах, лес молчал, одна вода говорила.

Мне показалось, что ливень усилился еще, стал сплошным, металлическим и уже... невыносимым. Я сидела в воде, еле поднялась, поменяв позу - села на колени.

Согнула голову, уткнувшись в Шери.

Услышала лай, резко подняла голову и увидела Бима, он несся к нам.

- Бим! Миленький мой! Это мы! Умница!

Он лаял громко. С прилипшей к телу шерстью, смеш-

ной, такой родной. Родненький! Из-за деревьев вышел Трофим, упакованный в плащ-палатку болотного цвета, резиновые высокие сапоги, узнала его по черной бороде в капюшоне. Я поднялась, он подошел.

- Шери за белками убежала, я за ней, мы заблудились, - я, стуча зубами, тараторила этому леснику, пребывая в неимоверной радости.

- Дура! – гаркнул Трофим.

Я, открыв рот, что-то хотела возразить.

- Обе!

Поджала губы, заплакала, нет, не потому что нас обозвали, а от радости, что нас нашли. Вода стекала по лицу, по всему телу, я, кажется, его уже и не чувствовала.

- Спасибо, что нашли.

Сейчас он пойдет, я буду идти за его широкой спиной, и мы будем дома, в тепле. Зажмурила на миг глаза, выжимая капли и слезы с ресниц и взлетела над землей, охнув. Трофим взял меня на руки, прижал крепко к груди и очень быстрым шагом, почти бегом, пошел. Я осмелилась и посмотрела на его лицо: прямой суровый взгляд темных глаз перед собой, борода в каплях дождя и тепло. От его лица шел жар, и мне захотелось вжаться в него и согреться, залезть в его капюшон, я опустила голову к Шери, облокотясь на его брезентовую грудь щекой.

Он шумно выдохнул мне в макушку, прибавил шаг еще. Неужели мы так далеко забрели? Я закрыла глаза.

Меня поставили, я разлепила глаза. Крыльцо родное.

- Ключ! – прогремел голос.

Я скрученными ледяными пальцами попыталась достать с заднего кармана джинсов ключ, держа одной рукой собаку. Шери вцепилась в меня. Трофим что-то буркнул, чуть согнулся, быстро сам достал из моего кармана ключ, открыл дверь. Зашла внутрь, разжав руки, наконец-то отпустила Шери.

Она, как облезлая крыса, стояла, тряслась в луже воды, что стекала с её шерсти. Я была не лучше.

- Раздевайся! Живо! – прогремел голос Трофима.

- Я са-ма, спа- си - бо! Спасибо! Идите!

Он что-то матерное пробормотал, зашел в хозблок.

- Обогреватель нашла?

- Он на втором, я включу.

Трофим потянулся к антресолям, задевая ведра и тазы, достал два одеяла, прошел к столу, положил стопкой, вернулся, согнулся, встал на колено, из нижней полки, двигая что-то шумно, достал банку с медом.

Поставил на пол у двери. Ушел. В коридоре были лужи и грязь.

Я закрыла дверь, пошла в душ, Шери за мной. Включила, наверное, кипяток, села на пол в душевую кабину и грелась, вода лилась на голову, спину, я двигала плечами, подставляя их по очереди под воду. Душевая стала как хамам, стёкла запотели, но мне было мало, я не могла согреться. И только

через какое-то время стало по телу растекаться блаженство.
Ненавижу холод, да.

Я сидела долго в душевой кабине, поливая себя горячей водой, пока не осознала, что засыпаю, собралась с силами, вышла, закуталась в полотенце, схватила одеяло с кровати, обернулась в него, спустилась на первый этаж, взяла еще те, что достал Трофим, включила обогреватель, надела носки, легла, придавив себя тремя одеялами. Шери-охотница тоже забилась под них, и мы уснули.

На задворках сознания вспомнила про телефон. Не встану. Завтра. Трофим всё объяснит, разрулит, да.

9.

Я проснулась от дыхания Шери и её языка, отодвинула хулиганку, она снова полезла здороваться.

- Шери, ну, иди, хватит. Шери, прямо в рот, ну...

Открыла глаза, солнце светило так, будто вчера не было апокалипсиса.

Горло не болело, температуры не было. Ура! Было бы обидно провести месяц в кровати, болея. На полу валялись одеяла, видимо, ночью их скинула, оставшись под одним. Обогреватель шпарил, было душно. Но так тепло!!!!

Сил не было вчера одеться, так, укутавшись, как в коконе, уснула. Встала, потянулась. Мне захотелось пройтись голышом, почувствовать кожей воздух. Я постояла, прислушиваясь к себе, чувствуя приятное волнение, покалывание в сосках, выпрямилась, подставила грудь солнцу, даже в закрытое окно оно грело. От живота в пах опустилась приятная тяжесть. Я забралась под одеяло, словно прячась от глаз, вытянулась, провела руками от талии до груди, свела их, покрутила соски. Возбуждение прошло волной по телу. Подняла одеяло до подбородка, опустила руку к паху, согнула ноги в коленях и расставила широко, стала кружить средним пальцем по клитору. Чувствуя вязкую смазку, собрала её на пальцы, обмазала губы половые и с силой до острой болезненности стала натирать чувствительную горошину. Секун-

ды, и тело светло, колени содрогнулись, и я шумно выдохнула. Полежала еще немного с закрытыми глазами, слушая отголоски тихого, но такого приятного удовольствия.

Вспомнились именно сейчас слова Игоря: «Не кончаешь со мной, кукла и есть».

Да, с ним я ни разу не испытала ни одного оргазма. Что ж...

Поднялась с кровати, чувствуя лёгкое покалывание в промежности, сжала бедра, вдохнула новый день полной грудью.

Надела топик и хлопковые трусы, пошла за телефоном, и с ужасом обнаружила три пропущенных от Павла Андреевича, все были вчера. И тут телефон завибрировал, издавая звонок, я вздрогнула от неожиданности.

- Аллё!

- Василиса!

- Здравствуйте! Извините, Павел Андреевич, вчера вышло недоразумение.

- Ага. Ладно. Ищет тебя муж, у него гмм... в друзьях гмм профессионалы, рыскают, короче, роют, кого только не поднял на твои поиски. Ты была права, маньяк он.

- У него в полиции знакомые есть.

- Да, знаю, и не только там. Василиса, Трофима слушай, поняла? Из домика лишний раз не высовывайся.

- Хорошо.

- Телефон повесь на шею уже и говори Трофиму, если увидишь знакомого или заговорит подозрительно кто-нибудь.

- Сюда могут приехать?

- Ну, там же не зона, а база отдыха. Не бойсь, будь умницей.

- Поняла.

Вот и поговорили.

Посмотрела на часы – уже полдень. Я проспала почти двенадцать часов.

После душа выгуляла Шери быстро вокруг дома, потом мы поели с ней, и я занялась уборкой и стиркой. Джинсы с засохшей землей лежали в тазу, там же футболка и белье.

Пока машинка стирала, вымыла полы, сварила картошку, запекла грудку с сырной корочкой. Взяв книгу и свою Шери, пошла в укромное место – на пирс. Дом Трофима был хорошо запрятан за деревьями, мне это нравилось.

Я углубилась в чтение.

- Привет, Василёк!

Я от неожиданности и своего имени выронила книгу, подняла глаза.

- Семён?!

- Извини, что напугал.

Он сел рядом со мной на деревянный причал.

Шери не лаяла даже - вот так охрана у меня!

- Почему Василёк?

- Глаза у тебя как васильки, да и в платье этом – ты вся как цветок-василек. Красивая очень.

Он взял мою прядь и разглядывал, любуясь, лицо. Парень

влюблялся. Открыто, честно и искренне. Мне даже завидно стало, мне тоже захотелось влюбиться, понять, каково это смотреть на человека и видеть только лучшее, красивое, родное, почувствовать в себе это состояние.

Дул приятный ветерок, мы на пирсе, кругом тихая заводь – романтика. Семён наклонился, намереваясь поцеловать меня, и тут Шери звонко залаяла. Я повернула голову, по тропинке спускался к озеру Трофим и смотрел на нас исподлобья. Он был в темных джинсах, черной футболке и сердитый, впрочем, как всегда.

Семён подскочил.

- Забыл дорогу? – рывкнул на Семёна Трофим.

- Я на минутку забежал, всё сделал уже. Выходной когда можно взять?

Я тоже встала, Трофим перевел взгляд на меня, опустил взор на ноги и тут же отвел.

Семён был настойчив, стоял напротив начальника уверенно и спокойно.

- Возьмешь! Пошли, дело есть, - развернулся и пошел от озера.

Даже не поздоровался – зол на меня за вчерашний испорченный вечер, да.

- Снежана! Я приду вечером!

Трофим приостановился, а потом быстрым шагом пошел по тропинке, не поворачиваясь крикнул:

- Бим! Ко мне!

Я выдохнула. Павел Андреевич сказал его слушать. А как? Неразговорчивый и суровый Трофим этот.

Я поплелась домой. Поужинала от души картошкой, куриной грудкой, пряником с чаем придавила. Давно не ела пряников, с общаги, наверное - вкуснотища. Потрогала джинсы, что сохли на спинке стула – еще мокрые. В одиннадцать вечера в дверь постучали.

- Кто?

- Снежана, это я, не спишь?

Я была в трусах и майке.

- Сёма, почти сплю.

- Снеж, открой на миг, я тут принес тебе.

Я открыла дверь, спрятавшись за неё, высунув лишь голову. Парень улыбался, словно видел чудо дивное, протянул мне тарелку с пирожными в пакете пищевом.

- Это корзиночки, наш повар делает, во рту тают.

Я взяла.

- Спокойной ночи, Василёк.

- Спокойной ночи, Семён. Спасибо!

Семён повис на двери как я, почти касаясь своим лицом моего.

Я увидела вдалеке силуэт...Трофим.

Я стала узнавать его уже на приличном расстоянии. Широкие плечи, уверенно расставленные ноги, борода на поллица, мне кажется я и взгляд его вижу, чувствую.

- Там твой босс, Семён.

Парень обернулся.

- Черт! До завтра!

- Пока!

Семён побежал.

Пошла спать, положив в холодильник десерт.

Засыпая, слышала музыку, а потом - пение мужских подвыпивших басов. Хорошее здесь место: тихое, спокойное, «В лесу», одним словом.

Весь следующий день я читала с упоением. А найдя в стопке книг начатую пачку бумаги А4, с азартом записывала перевод.

Вечером приготовила блины, нафаршировала их творогом, поужинала, прошлась вокруг дома, выгуливая Шери, и снова окунулась в чтение. Я выбрала из книг философские романы-притчи: «Новая земля. Счастье для каждого», «Две жизни».

Уже засыпая, услышала стук, посмотрела на экран телефона - пропущенных нет и спускаться не стала. Вот не рвалось у меня сердце к этому милому хорошему парню, не рвалось. Как лежала удобно, так и осталась лежать.

10.

Проснулась, вдохнула полной грудью, даже в доме чувствовался запах сосновых веток и хвои - хорошо-то как. Тихо! Тихо так, что воздух звенит. Ранним утром птицы заливаются, а вот ближе к обеду словно затихает природа на полуденный отдых. Внутри защемило... от хорошестьи такой, от спокойствия, от ощущения дома. В чужом доме, в месте, где я всего несколько дней, чувствовался дом больше, чем в огромной элитной квартире в центре Москвы, в которой я прожила пять лет. Я одна здесь, но словно под охраной, под чутким суровым взглядом Трофима, да. Он выполняет поручение друга, своего сослуживца, конечно. Чувство безопасности, как оказалось, одно из самых важных для жизни, в последнее время постоянная тревога мешала даже дышать полной грудью, да что дышать, жить мешала.

Я очаровывалась этим местом с каждым днем всё больше и больше, здесь и правда какая-то магия. А еще мне в этом доме комфортно, уютно, хотя он почти пустой, необжитой.

Вспомнила разговор Павла Андреевича, что Игорь меня ищет, нет - сказал «роет». Вот зачем? Зачем я ему сдалась? Нет у нас семьи, да и боюсь я его... и не люблю.

Встала, потянулась, пошла с удовольствием навстречу новому дню.

Позавтракав, мы с Шери пошли к озеру. Моё желание ис-

купаться Семён зарубил на корню, объяснив, что озеро – не для купания, так как в тине и глубокое, да и Шери могла поплыть за какой-нибудь букашкой, лови её потом.

Я захватила с собой одеяло, бутылку с водой, пирожное.

Села на причал, завернулась в теплое покрывало, погрузилась в чтение. Шери привычно лежала рядом. Через пару часов развернула пакет, достала корзиночку с кремом и ягодами, съела пирожное, что действительно было нежным и невероятно вкусным.

Всматриваясь вдаль на верхушки сосен, прикрыла глаза, слушая ветерок кожей лица, шеи.

Вздрогнула от лая Шери, огляделась, ко мне шла блонде, Лариса. Как всегда, при параде: прическа, губы, стрелки, белая блузка, чересчур короткая, на мой взгляд, юбка и каблук. Как она на кэблах по траве-то шла, по тропинке? Отчаянная женщина, однако.

Я как сидела, так и осталась на месте.

Она зашла на пирс, держась за перила, дошла до меня, встала, возвышаясь, всматривалась. Я задержала взгляд на каблуках, что были в траве и в земле.

Туфли, даже очень красивые, потеряли сразу свою привлекательность, потому что были не к месту, более того, смотрелись нелепо и вульгарно.

- Снежана, вам нравится у нас?

- Нравится.

- Всё устраивает?

- Всё.

- Ну и хорошо.

Развернулась и пошла. Я смотрела ей вслед, чувствуя знакомое противное ощущение тревоги, сердце учащенно забилося. Она мне не нравилась. Совсем эта блонде не подходит Трофиму. Усмехнулась своим мыслям.

Опустила глаза в книгу. Чтение не шло, взяла свои манатки, направилась к дому.

Солнце было теплым, но иногда набегал ветерок уже с осенними нотками, прохладный, свежий.

Обедая, я высмотрела на стекле хвойные веточки, видно прилипли после дождя и решила помыть окна.

Надела треники, закатав их до колен, спортивный топ, из хозблока выбрала таз, подходящее жидкое чистящее средство и отправилась мыть окно.

Когда я стояла на подоконнике, уже вытирая насухо стекло, увидела Семёна, Трофима, и, конечно, Бима. Шери носилась по полу, желая поздороваться с псом. Я подвинула ей стул, она пригнула на него, затем ко мне.

Я села на подоконник, мужчины явно шли ко мне.

- Снежана! Привет! Хозяйничаешь? – Семён издали кричал и махал мне рукой.

Я тоже помахала. Мужчины несли в обеих руках корзины, полные грибов.

- Специально к тебе свернули, давай кастрюлю, отсыпем. Смотри какие, а!

Семён подошел вплотную к дому, поднял корзину, показывая урожай, я нагнулась. Парень уставился на мою грудь, что от наклона пышно опустилась тоже посмотреть на дары осени, и завис, беззастенчиво палясь в ложбинку.

Я немного сконфузилась, приподнялась, посмотрела на Трофима. Он свел брови, подошел к Семёну, боднув плечом его плечо, тот посмотрел на босса недоумённо.

- Тару приготовь под грибы, мы к двери подойдем, - обратился по-деловому ко мне Трофим.

Я развернулась, спрыгнула с подоконника, Шери рванула за мной, весело махая хвостом.

Открыла дверь, протягивая глубокую тарелку.

- Снеж, давай кастрюлю, они уварятся, останется шиш да маленько.

Семён разглядывал меня всю.

Я опять пошла на кухню, вернулась с кастрюлей.

- От чего у тебя на плече шрам? Недавний. Кто так зашил топорно? – Семён, наверное, хотел как лучше, задавая эти участливые вопросы.

Я зависла, вспомнила, как упала от удара Игоря на угол стеклянного стола, как острый край глубоко вошел в плоть, как рана щипала, болела, как бесконечно сочилась из неё кровь, как я промывала её, толком не видя, разглядывая плечо в зеркало, как меня зашивал под какой-то анестезией, а может и без неё «чудо» доктор, как скулила от побоев Шери всю бесконечную ту ночь.

Я накинула кофту, промолчала. Трофим сжал челюсти так, что я увидела, как заиграли желваки на скулах.

Семён отсыпал грибов полную кастрюлю, а Трофим протянул мне пакет с земляникой молча. Полный пакет! Наверное, целый литр маленькой душистой ягоды в нём было.

Её же так долго собирать! Мы коснулись руками, пальцы Трофима были в темных пятнах от контакта с грибами, я посмотрела в глаза этому суровому леснику. Мы встретились взглядами. Серо-голубые, красивые, увидела на коротко стриженных висках седые волосы, отвела взор.

- Спасибо!

Он кивнул, тоже отвел взгляд.

- Трофим Глебович, я думал вы Савелию Геннадьевичу ягоды собираете. Правильно, лучше Снеже, этим нефтяникам можно и без десертов, столько водяры выжрали, ой, выпили.

Собаки носились на улице.

- Шери!

- Бим!

Мы с Трофимом одновременно позвали собак, тут же посмотрели друг на друга. Я улыбнулась, суровый лесник даже вида не подал.

Мужчины ушли. Я промыла грибы, почистила, поставила варить. Взялась за ягоду, поймав себя на мысли: в голове взгляд серо-голубых глаз лесника...я думаю о нём. Иногда его глаза голубые - на дневном ярком свете, а иногда - как в

лесу в дождь - синие, глубокие.

Действительно, грибы уварились вдвое, получилось полкастрюли ароматной массы. Часть отложила в тарелку - завтра пожарю с картошкой в сметане, оставшиеся - в морозилку.

Взяла самую глубокую и большую тарелку, усмехнувшись над своей ненасытностью, наложила творог, поверх насыпала ягоды от души, пошла на крыльцо. Завернувшись в одеяло, встала, подперев стену дома, с удовольствием зачерпнула столовой ложкой вкуснятину, смакуя, взяла в рот. Медленно пережевывая, слушая крупинки творога и малюсенькие косточки ягоды, смотрела по сторонам. На базе было тихо, наверное, все отдыхающие в столовой, время ужина. И правда, через некоторое время, вывалились мужчины из столовой-кафе, хоть я была относительно далеко, все же скрылась тут же в доме.

Звонков сегодня от Павла Андреевича не было, подходил к концу четвертый день моего побега.

После душа, я заплела тугие две косы, завтра будет красивая голливудская волна, так делала в институте часто. Волосы мои, темно-русые, хорошо держали кудри, были густыми и тяжелыми. Заплетая, смотрела на себя в зеркало: кожа лица приобрела матовость, румянец – все же чистый воздух, природа, спокойствие – делали свое дело.

Услышала стук. Семён. Скрываться не стала, скажу парню, как есть.

- Кто?

- Снеж, это я, спишь?

- Нет, я сейчас.

Надела кофту, свои безразмерные штаны, открыла.

- Я на минутку, надо баню готовить, сегодня Геннадич мя-со замариновал, завтра шашлык будет, принесу тебе.

- О, здорово! Спасибо! Немного только, у меня еды – полный шкаф и холодильник, завтра планирую грибы пожарить.

- Снеж, у меня выходной будет через три дня, поехали на озеро.

Он посмотрел на меня внимательно, серьёзно.

- Как друзья, Снеж. Поехали?

- Как друзья поехали!

- Отлично! Это тебе!

Он снова протянул букетик полевых нежных васильков.

- Семён, спасибо тебе!

- Спокойной ночи, Василёк!

- Спокойной ночи, Семён!

Я услышала вдалеке лай Бима, огляделась – никого не увидела.

11.

Весь следующий день я наводила порядок. Взялась за уборку с оголтелым энтузиазмом, вспоминая, как помогала родителям с ранних лет. Алька родилась, когда мне было 9 лет, через два года Вика появилась, и я быстро научилась себе стирать, гладить, готовить, словом, была маме помощницей, стала самостоятельной рано.

Я вымыла холодильник, размораживать не стала, постирала свои вещи, протерла полы, убрала пыль со всех выпирающих поверхностей.

Шери выгуливала вокруг дома в платье и с распущенными волнистыми волосами. Мою красоту видела только моя собака, да высокие сосны. Я нарвала еще цветов, поставила в комнате на втором этаже.

День близился к завершению, вспомнила про шашлык от Семёна, улыбнулась. Нажарила грибов с картошкой, залила сметаной, которая за эти дни превратилась в густую, как масло.

Поела от души, приняла душ, намазалась кремом, почистила зубы, надела майку на тонких ляпочках, удобные трусы х/б и забралась в кровать с книгой. На часах было около семи вечера.

Проснулась от лая Шери и громкого стука в дверь.

Соскочила резко, побежала вниз, сердце выпрыгивало и

отдавалось в горле и ушах. Стук кулаком, громко с напором.

- Кто?

- Дома?!

Это Трофим.

- Быстро открыла!

Я открыла дверь, забыв, что почти голая. Он ввалился, навис всей тушей и как зарычит:

- Почему не берешь трубку? Я подскакиваю с тренировки, несусь, дом без света.

- Я уснула.

Он был в спортивных штанах и футболке, по виску стекала капелька пота, бежал сюда, да.

- Время – девять вечера!!!

- Не орите на меня.

Он навис. Передо мной его шея в венах, накаченные руки, дыхание тяжелое.

Я сглотнула. Он смотрел на меня, дышал глубоко, медленно опустил взгляд на грудь, бедра. Мне в нос вошел запах хвои, его пота, и я почувствовала, как миллион мурашек в один миг атаковали меня, прошлись по спине, забегали в подушечках пальцев, концентрируясь в сосках, между ног. Я втянула воздух с тихим стоном и протяжно выдохнула.

Что со мной? Я хотела, чтобы он не уходил, постоял, я плавилась от его присутствия, от силы, от его взгляда. Ноги и руки стали дрожать, тело реагировало впервые так, я почувствовала влагу между ног, чуть дернулась непроизвольно. Он

шагнул ближе, грудь его тяжело вздымалась, и я, закрыв глаза, запрокинула голову, длинно протяжно выдохнув.

Трофим с каким-то блаженством, уткнулся носом мне в висок, провел по щеке, вдыхая, и я простонала, подгибая ноги. Он обхватил меня за талию рукой, прижал к себе, горячая и сильная ладонь обожгла меня, посылая еще ворох мурашек по телу, я выгнулась, открыв рот, всхлипывая. Он что-то прошипел, накрыл ладонью грудь, сжал, и я простонала, закрыв глаза, ловя световые круги. Мужчина поднял меня, быстрым шагом поднимался на второй этаж, покрывая моё лицо быстрыми легкими поцелуями, рвано выдыхая.

Положил на кровать, я хватаюсь за его шею, хочу поцелуя, он одной рукой сжимает груди, пытаюсь взять обе. Второй рукой накрывает лобок, поверх белья. Утыкается мне в шею, влажно целуя. Горячая сильная ладонь на лобке, я поднимаю таз навстречу, развожу ноги, он мычит что-то, выдыхает рвано и шумно, вводит пальцы вместе с тканью между половых губ, с силой сжимает плоть, и я разлетаюсь вдребезги. Ноги подлетают, потом опускаются на кровать, Трофим держит мои колени локтями, не дает ногам сомкнуться, шевелит рукой по промежности, мычит что-то, а я содрогаюсь, и содрогаюсь в конвульсиях. Голова запрокидывается, тело поднимается на лопатки, я слышу то ли его всхлип, то ли спазм горловой. Слышу свой протяжный низкий стон, тело моё еще дрожит, но не так уже сильно, я не контролирую, не могу. Оно живет своей жизнью - удовольствием, эйфорией. Я

затишаю, чувствуя крупные подрагивания в бедрах, разлеплю глаза, вижу близко Трофима, его темно-синие омуты, он тяжело и шумно выдыхает, подносит руку к лицу, нюхает, смотрит на мою грудь.

- Что это? – дрожащим сиплым голосом спрашиваю.

- Оргазм, - тихо и низко говорит Трофим, не отводя от меня жадных глаз, снова нюхая пальцы.

Он словно задыхается, жадно смотрит на грудь, на промежность. Свожу колени, не дает, держит локтями. Смотрит туда. Трусы вошли между половых губ, там всё мокро.

- Первый? – и кивает головой, зная ответ.

Подловил. Я резко с силой поджимаю колени, упираюсь ступнями в его грудь и скидываю его от себя. Он не поддается, хватает мою ступню, я брыкаюсь.

- Дверь - знаете где! Телефон у меня всегда рядом! Я уснула! Убиралась! Готовила! Читала! Спасибо за заботу!

Трофим поднимается, я вижу огромный бугор в его спортивных штанах от эрекции, не могу поднять взгляд, смотрю туда. Он разворачивается и уходит. Дверь резко и шумно закрылась. Я поджимаю губы, зажмуриваюсь, переворачиваюсь на живот, обнимаю подушку и прокручиваю в голове всё, что было сейчас.

Это был первый в моей жизни оргазм с мужчиной. Я впервые получила такой сильный и яркий оргазм. Я не кукла. Это так сильно, это неконтролируемо приятно, это не подвластно рассудку. Я просунула руку к паху, трусы сырые, промеж-

ность еще пульсирует тихо. Еще полежала немножко, взяла телефон, точно – пропущенный. Я не услышала, вот же ж.

12.

Трофим ушел. Шери запрыгнула на кровать, укладываясь мне в ноги. Я даже про собаку свою забыла, и она, хитруля, была тише воды и ниже травы всё это время.

Я лежала, прислушиваясь к себе, к своему телу, анализируя случившееся. Трофим... Я не знаю его, но мне с ним спокойно, даже, когда он кричал на меня, было не страшно, я знала, что он волнуется за меня, да.

Мы не общались с ним, да даже и не разговаривали толком, только у Тамары Петровны и говорили-то.

Но его взгляды, будто невзначай, украдкой, исподлобья, меня цепляют и волнуют больше, чем долгие и восхищенные Семёна. Во взглядах Трофима что-то животное, глубокое, мужское и...настоящее, честное, да.

Меня Трофим даже не целовал, не касался обнаженной кожи, но всё было таким острым, сильным – взгляды, дыхание, касание через одежду – страстным, откровенным и настоящим.

Закрыла глаза, вспоминая его запах, твердые мышцы, горячие руки, силу, напор, желание...да. Я впервые видела, как мужчина хочет меня, не себя удовлетворить, а меня хочет! Меня!

Я зачем-то спросила его: «Что это?» Господи, как это вырывалось из меня?!

Я опять зарылась в подушку лицом. Внутри всё трепетало, какое-то волнительное теплое послевкусие во всем теле, во всех органах, в душе, словно я получила подарок, о котором давно-давно писала Деду Морозу и уже забыла про него.

Легла опять на спину, стянула с себя трусики, понюхала их – мне нравится, сняла топ, вытянулась струной, слушая ощущения кожи, сосков, лобка и снова с упоением стала прокручивать нашу дикую спонтанную мимолетную страсть, смакуя медленно, до мельчайших подробностей.

Удивительно то, что я не испытывала ни капли стыда, зная, что у него отношения с блонде Ларисой, а я еще замужем. Вот ни капли, наоборот, я словно повзрослела, словно во мне стала раскрываться женщина. Я опять захотела быть чувственной, сексуальной, любимой, как когда-то в студенчестве мечтала.

Мне двадцать шесть лет, ему – сорок два, разница – шестнадцать лет, много, он взрослый мужчина, наверное, не воспринимает меня всерьез, вон ему какие нравятся...нда. А еще я была уверена, что у них несерьезно всё...или мне очень хотелось этого.

За мыслями о Трофиме и о себе не заметила, как пролетели несколько часов, за окном стояла глубокая ночь. Я спустилась на первый этаж дома и только сейчас закрыла дверь на ключ, положила телефон на подушку рядом, легла, пытаюсь заснуть.

Сон не шел.

Через два дня моей Альке восемнадцать лет. Как они там? Что у неё с капитаном? Прошла ли она в медицинский? В середине сентября Вике – шестнадцать, большие уже девочки...

Я легла на бок, задев сосок рукой. Я хочу ещё ласки, хочу, чтобы Трофим меня потрогал, поцеловал, чтобы меня разглядывал своими голодными глазами, чтобы своим членом вошел. Ноги вздрогнули, промежность стала оживать, кровь пошла к лобку от живота, я возбуждалась, дыхание стало порывистым.

Шери спросонья всхлипнула и задрогала лапками – бежит куда-то во сне, охотница моя.

Я поднялась с кровати, завернулась в одеяло и пошла на крыльцо, села у дома на деревянную пристройку, притихла, сливаясь с ночью. Небо было усыпано звездами, засмотрелась, выискивая Большую Медведицу и её медвежонка. Шери вышла ко мне, зевая, пролезла под одеяло, прижалась к ногам, продолжила сладко спать. Я сидела долго, мне нравилось, нет, я кайфовала от теплой августовской ночи, от тишины этого места, от черного неба с огоньками звезд. Я сидела на деревянном крыльце, погружаясь и растворяясь в теплом воздухе уходящего лета. Так тихо, густо, бархатно, ощущение, что вся Вселенная замедлила ход, чтобы я могла это почувствовать.

Сегодня днем было жарко, а сейчас воздух свежий и тягучий как мед, и ощущение, что с вдохом заходит не кисло-

род, а сама ночь: запах нагретой за день древесины крыльца, влажной земли, хвои. Иногда пробегает струйка прохлады, как вздох спящего мира, шевелит мои волосы и напоминает, что рядом озеро.

Неназойливые сверчки стрекочут мерным фоном. В двух домиках горит свет. Я запрокинула голову – это не небо, а черный бархатный океан - бездонный и бескрайний. И вот она – Большая Медведица, опрокинутый ковш висит над столовой, такой ясный и четкий, ниже Лебедь, раскинувший крылья в полете через Млечный путь. Больше я не знала созвездий, просто любовалась.

Села по-турецки, Шери удобнее улеглась, распластавшись в моих ногах, как в люльке. Крыльцо тихо скрипнуло, не от разрушения, а от звука жизни – дерево дышит. Внезапно и быстро упала звезда, как вздох неба. Не успела загадать желание, эх, лишь замерла на миг, ощущая в душе какой-то легкий восторг от причастности к чему-то грандиозному.

Снова взгляд устремила в небо, оно манило своей глубиной, тайной.

Я бы хотела здесь жить или хотя бы приезжать, вот так сидеть, встречаясь с мигом жизни, ощущать себя частью чего-то вечного, хорошего, настоящего.

Почувствовала легкий толчок в руку, и будто очнулась.

- Бимка! Ты как здесь? Гуляешь?

Бим незаметно тихо подбежал ко мне, уткнулся носом в одеяло. Я достала руку, потрепала его за ушами, почесала

под нижней челюстью.

Моя Шери высунула морду, они понюхали друг друга. Собаки привечались тихо, понимая будто, что тишину нарушать не надо, она так хороша.

Увидела краем глаза силуэт, подняла голову. Напротив, метрах в пяти от крыльца, стоял Трофим. Всё в тех же штанах и футболке. В темноте синие глаза его казались черными, глубокими. Красивый мужчина! Сильный, властный, уверенный.

Мы встретились глазами. Секунды потекли, мы так и смотрели в глаза друг друга.

- Творог есть еще? – негромко, словно оберегая тишину, спросил.

- Только в виде вареников и сырников, - почти шепотом ответила.

- Привезу на днях. Сметану брать? – так же на шепот перешел Трофим.

- Нет, сильно густая, как масло стала, еще больше половины в банке.

- Мне тоже сметана не зашла, жирная очень.

Шери так и сидела в одеяле, высунув мордочку. Бим настойчивее полез к ней, она потянулась к своему другу, и одеяло упало с плеч, оголив грудь до самых сосков. Я быстро подняла полы, закрываясь. Посмотрела в глаза Трофиму. Его грудь под футболкой поднималась высоко, дыхание стало шумнее и резче.

Я бы отдалась ему прямо на этом крылечке, под этими звездами. Он был возбужден, бугор в штанах не спрячешь, я была возбуждена, тело моё реагировало дрожью. Он качнулся вперед всем телом. Вдруг тишину и весь витавший вокруг нас концентрированный воздух сотряс телефон, разбивая что-то интимное и сокровенное вокруг. Рингтон показался очень звонким и громким в этой тихой ночной идиллии.

Трофим вздрогнул даже, достал из кармана, посмотрел на экран, свел удивленно брови, провел пальцем, убрал в карман. Опять настойчиво позвонили.

- Да!

И я услышала голос...женский:

- Ты где?

Блонде потеряла...

Я тут же поднялась, подобрала одеяло вместе с Шери и, не глядя на мужчину, скрылась за дверью.

Испытывая какое-то глупое детское разочарование, поднялась на второй этаж, надела нижнее белье, легла. Ворочалась, выбирала положение, укладывалась - не спалось, в голове ворох мыслей, в воображении – картин, как блонде встречает Трофима, оживила телефон – пятый час, ого. Скоро рассвет.

Спустилась на кухню, замесила тесто на блины, за мыслями и не заметила, как нажарила внушительную горку. Села за стол, налила воды, уставилась на ароматные блины, понимая, что съем от силы штук пять. Семёну предложить?

Увидела в окно, как над лесом стало смягчаться темное небо, становясь пепельно-лиловым. С юношеским энтузиазмом, воодушевлением и скоростью надела джинсы, кофту, кроссовки, Шери взяла на руки – темно ещё кругом и побежала на озеро. Забежав на тропинку, я увидела силуэт, спину...его.

Трофим стоял на краю пирса, опираясь руками о перила, Бим послушно сидел у ноги хозяина. Дымок от сигареты растворялся в воздухе. Я притормозила, прижала собаку.

- Тихо! Поняла меня, красotka?

Шери подняла брови, лизнула меня, я чмокнула её в лоб, цвета кофе с молоком, и мы затаились.

И вот оно – первое прикосновение солнца, еще невиди-

мого за лесом. Небо вспыхнуло нежно-розовым, абрикосовым, а затем золотым. Цвета были не статичны, переливались, таяли, как акварель на бумаге. Вершины самых высоких сосен загорелись ярким живым золотом. Первые языки нового дня.

Вода в озере ещё минуту назад была черной, сейчас ожидала, светясь розоватым сиянием.

Я открыла рот от восторга, увидев ало-золотой диск. Из-за темного гребня леса медленно, неумолимо выползало солнце. Мне показалось, что можно его коснуться. Лес, молчавший минуту назад, взорвался хором. Проснулись птицы. Сначала один робкий свист, потом другой, третий, и вот уже целая какофония трелей слышалась отовсюду. Солнце оторвалось от кромки леса, поднимаясь все выше, становясь ярче, желтее. Его свет на глазах терял волшебную розовую нежность, обретая ясность и силу.

Шери залаяла, я вздрогнула, возвращаясь в реальность. Трофим резко повернул голову, увидел нас, развернулся. Я поздоровалась кивком головы. Новый день всё-таки. Он кивнул в ответ. Бим подбежал к нам, я погладила пса, развернулась, пошла домой. Бим так и бежал за мной, Шери вырвалась из рук к своему приятелю. Потрепав нашего охранника, сказала уже у двери:

- Спасибо! Беги!

Сытно позавтракав, мы завалились спать.

Проснулась от яркого жаркого солнца, что светило прямо в лицо, нет - жарило. Улыбнулась, потягиваясь, задела ладонью щеку- горячая. Время – три часа дня.

Перекусив, пошли с Шери на озеро читать. Я надела платье, кроссовки, захватила с собой кофту. Павел Андреевич не звонил, беспокойство противно пробежало внутри: какая-то тишина подозрительная...

Дочитала очередную глубокую и мудрую книгу. Медленно, созерцая на красоту уходящего тёплого лета, пошла к своему временному жилищу.

Уже заходя в дом, меня окликнул Семён. Он, лучезарно улыбаясь, бежал ко мне, бережно держа у груди букет цветов.

Хороший парень! Открытый, добрый!

Забежал на крыльцо, встал близко ко мне, протягивая огромный букет ромашек.

Красивый! Неимоверно красивый букет! Милые ромашки!

Я взяла букет, поражаясь красотой. Нырнула в них взглядом, вспоминая бесконечные розы от мужа. Величавые розы тут ни при чем, конечно, сейчас я смотрела на полевые цветы, чувствуя, как спазмы окутывают горло.

Ромашки... Такие неброские, но абсолютно совершенные. Некричащие своей красотой, как розы, главная их сила – в скромности и простоте. Сердцевинки – плотные диски, теплого, почти яичного оттенка, бархатистые, а лепестки – безупречно-белые, идеально продолговатые с чуть заостренным

кончиком, и расположены не хаотично, а в строгом порядке, как лучи, исходящие из центра. Ромашки...символ чистоты и невинности, любви и верности, тоски по родине, лета.

Такие нежные, а растут в дикой природе, помогают при простудах. Такие сильные, будто говорят, что истинная красота – в простоте, а настоящая сила – в скромности, что можно быть маленькой и неприметной, но нести в себе целое солнце. В ромашке счастье, что кроется в букете, собранном у дороги, в венке у девочки, в чашке ароматного ромашкового чая.

Слезы потекли. Я держалась всё это время, мне даже некому было пожаловаться - винила сама себя в своём выборе, в своей молчаливости. А здесь, прячась, я свободнее, чем в доме с мужем. Я с пораненной душой, в бесконечном страхе забыла, что бывают заботливые добрые и внимательные мужчины.

- Снеж! Ты чего?

- Семён, спасибо тебе! Ты такой хороший, спасибо!

Парень растерялся, даже отошел на шаг.

- Снеж, у меня завтра выходной! Сегодня нефтяники отчалили, я работу сделаю, уберусь, а завтра у нас озёра. Помнишь? Только через день заедут новенькие.

- Помню! Конечно...

- Снеееж. Не плачь только. Мы с Глебычем сегодня в поселок ездили, рыбу забирали. Я тебе мясо не принес, прости, обещал же. Глебыч, представляешь, в парикмахерскую

ходил, впервые я его таким вижу, так его зачетно постригли.

Семён наклонился близко к лицу, аккуратно и нежно касаясь, вытер слезинки у меня с щеки, пытаюсь заговорить мои слезы своими рассказами.

Да что ж он такой хороший-то, а?!

Мы с ним вздрогнули от яростного свита. Обернулись. На нас быстрым шагом шел Трофим, перед собой держа два ящика, видно с чем-то увесистым.

- Обт...ваю...ма...ть..

Только и успел сказать Семен, стартуя к начальнику.

- Трофим Глебович, я же сказал, что отнесу.

Семен побежал навстречу своему боссу. Трофим поставил на землю ящики, взял один и кинул Семёну с размаху. Парень поймал, выдохнул шумно и от тяжести согнулся с ношей к земле, но тут же поднялся и пошел в сторону базы.

Я стояла с цветами, смотрела, вытирая слезы. Трофим наклонился, чуть повернул голову, бросил на меня взгляд, поднял ящик и зашагал за Семёном.

Ящики, похоже, с рыбой, и не легкие, мышцы на руках от ноши были как стальные и налитые у мужчин.

14.

Я смотрела им вслед, но видела только Трофима. Его походку уверенную, спину широкую, шею напряженную, руки сильные, ягодицы упругие.

Я реагировала на мимолетные взгляды этого сурового лесника, взрослого мужчины, он меня волновал, завораживал. Нет, я ждала этих взглядов. Ждала - да, ловила.

Трофим ревнует меня к Семёну? – мне хотелось, чтобы эта моя фантазия была реальностью.

Состояние забытое, теплое, приятное и покалывающее окутало все внутренности. Тело и душа словно вступили в тайный сговор – и это тайна - мужчина, суровый лесник, что приютил меня в своей лесной заимке. Я думала о нём часто, нет – постоянно после нашей жаркой встречи. Прислушалась к себе, внутри какое-то парадоксальное ощущение пустоты и переполненности одновременно. Пустота – потому что часть меня в мыслях с Трофимом, а переполненность, потому что пустота наполнена им, как тишина – музыкой. В голове рождались постоянно метафоры, сравнения, целые истории. Сердце то замирало от встречи с ним, то колотилось от его взгляда, то ныло сладкой болью, когда он уходил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.